

喫茶夢の跡

雨宿り

桜堂
夜食

THE CONTRACT

ARTHUR LANCE

Arthur Lance

Контракт/The contract

<https://litres.ru/74564402>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать три года — возраст, когда нужно строить будущее, но жизнь токийского студента

Кобаяси Кэнтю застряла в бесконечной, серой рутине. Учеба, подработки, пустые будни...

Единственным ярким пятном в его одиноком мире остается Айми — невидимая девушка,

которая всегда рядом, способная утешить и поддержать, когда реальность становится невыносимой.

Но привычный порядок рушится в один миг, когда Кэнтю встречает живую девушку Рин. Её

появление переворачивает всё вверх дном. Согласившись на обычное, казалось бы,

предложение о дружбе, Кэнтю даже не подозревает, что подписал им обоим опасный

приговор. Случайное обещание связывает их судьбы и выдергивает из привычного Токио,

увлекая в далекое и полное смертельных опасностей приключение в загадочный мир духов.

В реальности, где правит мистический хаос, а самые жуткие кошмары

могут принять облик твоих близких, Кэнто предстоит узнать: кем на самом деле является

невидимая Айми? И какую цену потребует мир духов за право вернуться домой?

Arthur Lance

Контракт/The contract

Артур Лэнс

Контракт

Copyright © 2026 by Arthur Lance. All rights reserved.

Аннотация

Двадцать три года — возраст, когда нужно строить будущее, но жизнь токийского студента Кобаяси Кэнто застряла в бесконечной, серой рутине. Учеба, подработки, пустые будни... Единственным ярким пятном в его одиноком мире остается Айми — невидимая девушка, которая всегда рядом, способная утешить и поддержать, когда реальность становится невыносимой.

Но привычный порядок рушится в один миг, когда Кэнто встречает живую девушку Рин. Её появление переворачивает всё вверх дном. Согласившись на обычное, казалось бы, предложение о дружбе, Кэнто даже не подозревает, что подписал им обоим опасный приговор. Случайное обещание

связывает их судьбы и выдергивает из привычного Токио, увлекая в далекое и полное смертельных опасностей приключение в загадочный мир духов.

В реальности, где правит мистический хаос, маски сброшены, а самые жуткие кошмары могут принять облик твоих близких, Кэнто предстоит узнать: кем на самом деле является невидимая Айми? И какую цену потребует мир духов за право вернуться домой?

Глава 1. Клятва, скрепленная детской слезой

Эта история произошла много лет тому назад!

Посёлок Окутама, уезд Ниситама, Токио.

Древний синтоистский храм Инари тонул в шуме детских голосов. Третий класс начальной школы приехал сюда на весеннюю экскурсию, и со стороны они казались стайкой ярких, беззаботных птиц, вырвавшихся на волю. Дети бегали по каменным ступеням, шуршали обертками от дешевых сладостей и восторженно разглядывали вековые гранитные статуи лисиц-кицунэ, поросшие изумрудным мхом. Воздух здесь был особенным — он пах прохладной горной хвоей, влажным гранитом и едва уловимым сладковатым ароматом храмовых благовоний.

Молодая учительница в строгом костюме громко захлопала в ладоши, пытаясь перекрычать этот хаос и выстроить детей парами: :

— Так, ребята, разбиваемся по парам! Быстрее, берите друг друга за руки и заходим внутрь святилища!

Дети со смехом и криками начали хватать друг друга за рукава. И среди всей этой громкой, пестрой массы только один восьмилетний мальчик стоял абсолютно неподвижно. Маленький Кобаяси Кэнто стоял в стороне. Он протянул руку, но его одноклассник лишь оттолкнул его, перебежав к более популярному другу. Через минуту длинная, шумная цепочка детей один за другим скрылась за массивными

дверьми, переступая деревянный порог главного храмового зала. Оглушительный гомон одноклассников стремительно утих, словно его отрезало тяжелыми стенами святилища, и во дворе мгновенно воцарилась звенящая, прохладная тишина горного леса. Кэнто остался стоять совершенно один. Про него просто забыли. Его никто не заметил.

Оставшись один в огромном, тихом храмовом дворе, маленький Кэнто сел прямо на каменные ступеньки и закрыл лицо руками. По щекам потекли горячие, обидные слезы. Ему казалось, что он самый незаметный и никому ненужный человек на всей планете.

— Эй. Чего ты плачешь? — раздался совсем рядом тонкий, чистый детский голос.

Кэнто вздрогнул и поднял голову. Перед ним стояла маленькая девочка. На ней было простое светлое платье, а из-под необычной, идеально ровной челки со ступенчатыми прядями у лица на него смотрели огромные, пронзительные голубые глаза.

— Я никому не нужен, — шмыгнув носом Кэнто, сердито вытирая лицо рукавом застиранной куртки. Ему было невыносимо стыдно за свои слёзы. — Все меня бросили. Папа, мама... А теперь они вон, пошли по парам в этот дурацкий храм. А мне пары не досталось. Я совсем один.

Девочка наклонила голову набок, прищулив голубые глаза, словно любопытный лисенок. На её лице не было жалости, только лёгкий, озорной вызов. Она улыбнулась — так

тепло и ярко, словно внутри её крошечного тела действительно горело маленькое, скрытое солнце.

Она сделала шаг вперёд, мягко и бесшумно, будто её босые ноги вообще не касались каменных ступеней.

— Ну и ладно! — весело фыркнула она, задрав свой вздернутый нос. — Подумаешь, пары ему не досталось! Слишком много чести!

Она подошла почти вплотную и смело протянула Кэнтю свою ладошку. Её пальцы казались неестественно теплыми, почти горячими.

— Не переживай, плакса, пошли вместе! — её шёпот прозвучал прямо у него в голове, а не в ушах. — Отныне я буду твоей парой.

Кэнтю недоверчиво посмотрел на её руку. Сердце в груди бешено заколотилось от робкой надежды.

— Ты... ты не шутишь? Ты не убежишь, как другие? Не оставишь меня?

— Нет, обещаю, — твердо сказала девочка и крепко сжала его пальцы. — Я тебя никогда-никогда не брошу. Но и ты пообещай мне, что никогда-никогда не бросишь меня. Я — Айми, между прочим. А тебя как звать?

— Я..., Кэнтю, — тихо ответил он, и его мир впервые перестал быть холодным.

— Рада познакомиться, Кэнто! — звонко произнесла она, заставив горный туман вокруг ступеней на мгновение рассеяться. — Ну так что, будешь моей парой?

Тр-р-р-р-и-и-и-нь!

Токио. Пятнадцать лет спустя!

Резкий, дребезжащий звук безжалостно разорвал солнечный храмовый двор. Картинка из детства подернулась рябью и исчезла.

На тумбочке у кровати надрывался старый, потертый мобильный телефон. Из-под одеяла показалась мужская рука и неохотно шлепнула по экрану смартфона. Кобаяси Кэнто, которому теперь было далеко не восемь лет, а уже солидные двадцать три года, тяжело вздохнул и попытался отвернуться к стене, чтобы вернуть уходящий сон.

— Эй, давай вставай уже! — раздался над ухом звонкий и очень недовольный женский голос. — Сколько еще этот твой дурацкий будильник будет звенеть? Я из-за него третью чашку чая в своем сне проливаю!

Кэнто не успел ответить — в следующую секунду в его бок прилетел короткий, но весьма ощутимый пинок женской ножки, который безжалостно сбросил его с матраса прямо на жесткий пол.

— Ай! — Кэнто потер ушибленное бедро, окончательно

просыпаясь и садясь на полу. — Уже встал, встал... Не дерись, Айми.

Он поднял глаза. На краю кровати, скрестив руки на груди и недовольно надув губы, сидела взрослая Айми. Её жемчужно голубые волосы были растрепаны после сна, а домашняя футболка съехала на одно плечо. Она выглядела абсолютно живой, настоящей и ворчливой — как любая обычная жена после пятнадцати лет совместной жизни.

— Завтрак приготовишь? А я пока в душ схожу, — сказала Айми поднимаясь с кровати, сладко потянувшись, и лукаво взглянула на него сверху вниз.

— Как всегда. Хорошо, — вздохнул Кэнтто, поднимаясь с пола и потирая затекшую шею.

В свои двадцать три года Кобаяси Кэнтто существовал на глухом, отточенном автопилоте. Его миром была тесная, ничем не примечательная квартира на четвертом этаже старой, обшарпанной пятиэтажки без лифта. Дом, построенный еще в прошлом веке, упрямо пах сырым бетоном, застоявшейся дождевой водой и дешевым стиральным порошком из прачечной на первом этаже. Кэнтто не нравилось это место, но аренда в Токио душила, и выбирать не приходилось.

Планировка жилья была до банального простой: крошечная, темная спальня, где едва помещался матрас-фuton, совмещенный с туалетом холодный пластиковый узел ванной

комнаты и вытянутый зал, объединенный с кухонным уголком. Назвать это «залом» можно было только из вежливости — тесное пространство, где Кэнто проводил редкие часы отдыха за старым телевизором, было заставлено лишь низким скрипучем столиком и парой картонных коробок с неразобранными вещами.

Каждое утро в этой квартире начиналось одинаково. Кэнто открывал глаза под монотонный, раздражающий стук капель дождя по металлическому козырьку за окном. Глухую, звенящую тишину комнат нарушало только натужное, дребезжащее гудение старого пуговично-желтого холодильника — того самого, который дядя отдал ему при переезде из Окутамы. Кэнто с трудом садился, чувствуя, как ледяной линолеум обжигает босые ступни. Он плелся на кухню, где в холодильнике буквально шаром покати. Внутри холодильника было уныло и пусто. На полупустых пластиковых полках сиротливо ютились пачка недоеденного со вчерашнего дня рамэна, два уцелевших куриных яйца в лотке, начатый пакет молока с истекающим сроком годности и полупустая бутылка водопроводной воды. В самом низу, в прозрачном ящике, безнадёжно засыхали сморщенные, засохшие овощи, которые он купил неделю назад по скидке и так и не нашёл в себе сил приготовить.

Кэнто шумно вздохнул. Ему нужно было торопиться — сегодня был четверг, один из тех дней, когда он ходил на подработку в небольшой круглосуточный супермаркет. Остав-

лять желудок пустым перед долгой двенадцатичасовой сменной на ногах было непозволительной роскошью для его истощенного организма. На чистом, доведенном до автоматизма опыте Кэнто вытащил всё, что было под рукой: яйца, остатки молока, рамэн и пару уцелевших овощей. Чиркнула конфорка старой газовой плиты, наполнив тесную кухню резким запахом газа, а затем — шкворчанием масла. Всего за пять минут, орудуя палочками с ловкостью заправского повара, Кэнто приготовил довольно неплохо выглядящий, пышный омлет. Нож быстро накрошил подвявшие томаты прямо поверх горячего блюда. Это был завтрак человека, который привык выжимать максимум из того минимума, что подбрасывала ему жизнь.

Еще через десять минут они уже сидели за низким столиком. Он аппетитно орудовал палочками, но в какой-то момент поймал на себе пристальный, изучающий взгляд Айми. Она просто сидела напротив, подперев подбородок ладонями. Её тарелка оставалась нетронутой.

— Почему не ешь? — спросил Кэнто, прожевав кусочек.

— Потом поем, я пока не голодна, — легкомысленно отмахнулась она.

— Как знаешь. — ответил он.

Айми вздохнула, рассматривая скромную обстановку их

съемной квартиры, и вдруг оживилась:

— Слушай, мы так давно никуда не выбирались... Поехали в отпуск? На море!

Кэнто замер с палочками в руке. На его простом лице отразилась привычная тяжесть взрослой жизни.

— Ты же знаешь, я не могу просто всё бросить. У меня ведь учеба, работа. Если мы сейчас уедем, на что мы потом будем жить?

— Ну, мы что-нибудь придумаем, как всегда! — Айми мягко улыбнулась и наклонилась ближе. — В конце концов, это ведь я когда-то порекомендовала тебе устроиться в тот магазин. Ну так что, может быть?..

— Я подумаю, — сдался Кэнто. — Надо посмотреть на график. Хотя... небольшой отпуск мне бы и правда не помешал. Работать с восьми утра до восьми вечера каждый день — это довольно тяжело.

— Понимаю, дорогой, — Айми ласково погладила его по плечу. — Какой же ты у меня работающий. Ладно, собирайся, я тебя провожу.

Больше всего на свете Айми любила провожать Кэнто до

университета и до работы — это был её личный способ напоминать, что в этой холодной токийской бездне он всё-таки не был один.

Сейчас Кэнто учился на первом курсе магистратуры, выбрав направление IT-технологий. В учебе он был крепким середняком: звёзд с неба не хватал, но благодаря природной педантичности и холодному уму все сессии умудрялся сдавать строго вовремя, без задержек и долгов. Все свободные часы, оставшиеся от бесконечных лекций и программных кодов, он отдавал работе.

Благодаря хитрым подсказкам Айми, Кэнто удалось устроиться на подработку в маленький круглосуточный продуктовый магазинчик. Это место было идеальной географической точкой его рутинного маршрута — супермаркет находился ровно посередине между его обшарпанным домом и университетским кампусом. Хоть работы в магазине всегда было по горло, а ноги к концу смены наливались свинцом, платили там достаточно, чтобы Кэнто исправно покрывал грабительскую аренду квартиры и обеспечивал себе самые необходимые расходы. Это был его хрупкий, выверенный баланс, который позволял «стальному сейфу» оставаться закрытым, а автопилоту — работать без сбоев.

Быстро расправившись с завтраком, Кэнто сполоснул сковороду и накинул на плечи свою привычную тёмно-синюю куртку. Вскоре они с Айми уже спускались по гулкому, пахнущему сыростью лестничному пролёту старой пятиэтажки.

Потертые красные кеды под ногами привычно поскрипывали, нарушая утреннюю тишину подъезда.

Выйдя на улицу, Кэнтон на мгновение замер у железной двери, вдыхая свежий воздух. Дождь, барабанивший на расцвете по козырьку, наконец прекратился. На улице было прохладно, но сквозь рваные серые тучи уже пробивалось тусклое, блеклое токийское солнце. Кэнтон поглубже натянул на голову капюшон куртки, прячась от резкого порыва ветра, и уверенно зашагал по влажному асфальту, в котором дрожали отблески редких рекламных вывесок. Рядом, задорно перепрыгивая через лужи и не оставляя на воде ни единого всплеска, бесшумно бежала Айми. Её присутствие согревало лучше любого плотного шарфа.

Солнце приятно припекало, и Кэнтон, поправляя капюшон, задумчиво пробормотал:

— Может, стоит всё-таки сесть на автобус? Доеду быстрее.

— Какой автобус? — Айми зашагала чуть впереди, весело перепрыгивая через трещины в асфальте. — Тебе идти всего пару кварталов! И деньги сэкономишь, и для здоровья полезнее. Гуляй давай.

— О, здравствуй, Кэнтон! — раздался приветливый голос со стороны.

Кэнтон обернулся. По улице шла их соседка — пожилая,

сухонькая женщина, которая одновременно заведовала прачечной на первом этаже и сдавала Кэнто его серую квартиру. Она тепло улыбалась, вытирая руки передником.

— На работу? Какой же ты молодец. И учиться успеваешь, и работать на износ. Мой-то оболтус еле с одной учебкой справляется, вечно сонный. Откуда у тебя только силы берутся?

Кэнто смущенно почесал затылок и мельком глянул на Айми, которая стояла рядом и довольно улыбалась.

— Здравствуйте, госпожа Ямамото. Силы? Да так..., стараюсь как могу. — тихо ответил парень.

Пожилая женщина понимающе закивала, её глаза заблестели вековой мудростью:

— Понимаю, милый. Старание — это достойно уважения. Но не стоит забывать просить о помощи, когда ноша становится слишком тяжелой. Помни: даже если ты этого не замечаешь, духи наших предков время от времени помогают каждому из нас. Ты не один в этом мире. Ладно, что-то я заболталась, беги, а то опоздаешь!

— Да, я... — Кэнто хотел было сказать, что имел в виду

совсем другое, но лишь махнул рукой. — Хорошо, спасибо. Хорошего вам дня, госпожа Ямамото!

— Какая приятная женщина, — заметила Айми, когда они пошли дальше.

Рядом с перекрестком их внимание привлек громкий стук. Возле большого торгового автомата стоял школьник в форме и со всей силы тряс несчастный железный ящик, который явно сожрал его карманные деньги.

— Ой, давай поможем ему? — Айми дернула Кэнто за рукав.

— Да он сам справится. Я ведь так и вправду опоздаю... — проворчал Кэнто, но его врожденная привычка решать проблемы и просящий взгляд Айми взяли верх. — Ладно.

Он подошел к расстроенному мальчишке, бросил быстрый взгляд на панель автомата и сразу всё понял. В его голове мгновенно сложилась картинка.

— Там несколько внутренних кнопок заедает, — спокойно сказал Кэнто. — Давай помогу.

Он примерился и коротко, точно ударил ладонью по определенной точке на защитном стекле. Аппарат внутри глухо звякнул, зажужжал и с глухим стуком выплюнул в лоток заветную банку газировки. Школьник округлил глаза от вос-

торга, быстро схватил банку и поклонился:

— Вау! Спасибо, дядь!

Кэнто едва не поперхнулся воздухом.

— Не за что... беги в школу, — пробормотал он.

Когда мальчишка скрылся за углом, Кэнто растерянно повернулся к Айми:

— Когда это я уже «дядей» стать успел? Мне всего двадцать с копейками!

— Дядя Кэнто! — прыснула со смеху Айми, прикрывая рот ладошкой.

— Если я дядя, тогда ты значит — тетя Айми, — буркнул парень, пытаясь скрыть улыбку.

Реакция Айми была мгновенной. Она подскочила к нему, ловко ухватила за ухо и слегка потянула вверх.

— Какая я тебе еще тетя?! — притворно возмутилась она, хотя в её глазах плясали смешинки.

— Ай-ай, хорошо, хорошо, я пошутил! — засмеялся Кэнто, аккуратно убирая её руку от своего уха.

До магазина оставалось пройти всего пол квартала. Стек-

лянные автоматические двери комбини — круглосуточного супермаркета, в котором работал Кэнто, — уже виднелись впереди, ярко поблескивая в лучах тусклого утреннего солнца.

Подойдя ближе, Кэнто замедлил шаг. Прямо на уровне глаз на чистых стеклянных дверях была наспех наклеена помятая листовка с зернистой чёрно-белой фотографией какого-то улыбающегося парня. Чуть ниже жирным шрифтом кричала надпись: «*ПРОСТИТЕ, ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА?*».

Кэнто хмуро скользнул взглядом по бумаге. В последнее время в Токио действительно пропадало слишком много людей. Слишком много и бесследно — даже для такого колоссального, перенаселенного мегаполиса, способного легко растворить в себе любого приезжего. Газеты списывали всё на депрессии, долги и сознательные побегі, но Кэнто, чей внутренний голос привык педантично фиксировать аномалии, чувствовал: в этих исчезновениях скрывается какая-то иная, пугающая закономерность.

— Ну всё, дядя Кэнто, приплыли, — Айми весело забежала вперед и остановилась у самого крыльца, преграждая ему путь. — Твоя каторга начинается. Опять до восьми вечера будешь улыбаться покупателям?

— Буду стараться, — вздохнул Кэнто, останавливаясь рядом. Он посмотрел на её сияющее лицо и почувствовал, как

утренняя усталость немного отступает. — Вечером зайдешь за мной? Вместе пойдем домой.

— Конечно зайду! Куда я от тебя денусь, мы же пара, за-был? — Айми ласково поправила воротник его куртки. — Иди, а то твой начальник Сато-сан уже, наверное, у кассы от злости лопается.

Кэнто улыбнулся, повернулся и толкнул тяжелую стеклянную дверь магазина. Над головой привычно и звонко запел колокольчик:

Дзинь!

Этот звук мгновенно включил в нем привычный автопилот. Кэнто сделал шаг внутрь, в прохладный воздух, пахнувший свежей выпечкой и растворимым кофе, и обернулся, чтобы помахать Айми на прощание через стекло.

На крыльце никого не было.

Улица перед магазином была абсолютно пуста, лишь пара сухих кленовых листьев лениво кружилась по асфальту там, где только что стояла Айми. Кэнто на секунду замер, нахмурившись, но тут же тряхнул головой.

«Быстро же она бежит, когда хочет», — подумал он, списывая всё на свою утреннюю рассеянность.

— О, Кэнто! Наконец-то! — из подсобки вынырнул за-спанный хозяин магазина в зеленом форменном фартуке. —

Принимай кассу, я уже с ног валюсь.

— Здравствуйте, Сато-сан. Хорошо, дайте только переденусь — ответил Кэнто.

Хозяин магазина — Сато-сан. Это был высокий, худощавый мужчина лет пятидесяти, с заметной лысиной и в тонких очках в металлической оправе. Его взгляд, устремленный на вошедшего парня, всегда оставался приветливым, но в то же время собранным и серьезным. Сато-сан ценил педантичность Кэнто, зная, что на этого молчаливого студента магистратуры всегда можно положиться.

Сато-сан с облегчением развязал узлы своего зеленого фартука и бросил быстрый взгляд на Кэнто, который уже проверял чековую ленту в кассе.

— Как дела в университете, Кэнто? — Сато оперся о прилавок, не торопясь уходить. — Ещё не решился сменить это место? Ты бесспорно, ценный работник, но мне всегда было интересно, что такому умному парню, как ты, тут делать?

Кэнто слабо улыбнулся, не отрываясь от экрана. На его простом лице не было амбиций.

— Мне нравится это место, Сато-сан. Рядом с домом, посетители приятные... Да и я просто не мог отказать ей.

— Ей? — Сато понимающе прищурился и оперся локтями о прилавок. — А-а-а, так ты девушку нашел? А то такой

парень и один — нехорошо. Ну, как её зовут?

Кэнто на секунду замер. Внутри его стального сейфа что-то тревожно звякнуло. Он ведь никогда ни с кем не говорил об Айми.

— Да нет, я... — замялся он.

Сато громко рассмеялся и похлопал его по плечу.

— Ладно, ладно! Не хочешь — не говори. Красивых девушек стоит хранить в секрете, это я понимаю. Эх, помню, когда я только встретил свою нынешнюю жену, я тоже ни с кем не хотел её делить... — Сато иронично вздохнул и закатил глаза. — А теперь вот рад, что больше времени на работе провожу! Так что скажу тебе по секрету: наслаждайся моментом, пока вы на этапе романтики. Ладно, принимай покупателя, я пойду передохну.

Весь оставшийся день Кэнто честно и качественно выполнял свой долг. Он сканировал штрих-коды, выставлял на полки свежие онигири, протирал прилавки и вежливо кланялся постоянным клиентам. Время тянулось медленно, как густая патока. Автопилот работал без сбоев, но в голове Кэнто то и дело всплывал утренний казус: куда всё-таки так быстро исчезла Айми с крыльца?

К семи часам вечера поток покупателей иссяк, и в магазине стало совсем пусто. Тишину нарушал только тихий гул холодильников с напитками. Внезапно в кармане Кэнто за-

вибрировал и залился бодрой мелодией его старый потертый телефон.

На экране высветилось имя его однокурсника. Кэнто вздохнул и нажал на кнопку ответа:

— Да, чего хотел?

— Привет, Кэнто! — в трубке зазвучал шумный, веселый голос приятеля, на заднем плане которого отчетливо слышался гул университетского коридора. — Снова на работе? В универе без тебя скучно, чувак! Слушай, я чего тебе звоню-то: у нас тут сегодня вечером небольшая вечеринка намечается. Девчонки будут. Короче, групповое свидание «вслепую». И у нас есть одно свободное место для парня!

— Нет, спасибо, я... — попытался вставить Кэнто, но приятель напористо перебил его:

— Давай, выручи по-братски! Там реально красивые девчонки будут, одна-то уж точно тебе понравится, гарантирую! Не ломайся, Кэнто.

— Не могу, у меня работа, — сухо ответил Кэнто, глядя на настенные электронные часы в магазине.

— Работа? Во сколько ты заканчиваешь?

— В восемь. Но у меня уже есть планы.

— В восемь? Окей, замечано! Ближе к этому времени я тебе наберу. Давай, студент, не унывай там, скоро будем! — трубка отозвалась короткими гудками.

Кэнто опустил телефон. Он собирался после работы сразу пойти домой. Он не хотел никаких свиданий. Но его приятель, кажется, совершенно не умел принимать отказов.

Кэнто убрал телефон в карман, перевел дух и тихо пробормотал себе под нос:

— Он как всегда...

В этот самый момент дверной колокольчик снова издал короткое *дзинь*. Кэнто привычно выпрямился, слегка поклонился и произнес дежурную фразу:

— Добро пожаловать!

В магазин вошла молодая девушка. На вид она была чуть младше Кэнто, с мягкими чертами лица и удивительно живыми карими глазами. Она мимолетно улыбнулась продавцу в ответ на приветствие и неторопливо прошла вглубь торгового зала, между рядами стеллажей. Кэнто проводил её взглядом и поймал себя на неожиданной мысли: «Какая красивая...» Но тут же потряс головой, отгоняя наваждение, и снова сфокусировался на кассовом аппарате. Его стальной

сейф не предполагал таких мыслей.

Обычно вечерние посетители комбини действовали быстро — хватали онигири или готовый бенто и бежали к кассе. Но эта девушка явно не торопилась. Заметив, что она подозрительно долго стоит в отделе напитков, Кэнтто решил посмотреть, всё ли в порядке.

Он аккуратно выглянул из-за прилавка и увидел, что незнакомка отчаянно тянется к верхней полке, где стояли большие бутылки с легким алкоголем. Из-за невысокого роста задача казалась невыполнимой. Девушка смешно привстала на цыпочки, а затем, потеряв терпение, попыталась поставить ногу на самую нижнюю, металлическую полку стеллажа, чтобы приподняться.

— Давайте я вам помогу, — негромко сказал Кэнтто, быстро подходя со спины.

От неожиданности девушка вздрогнула, пошатнулась и задела каблуком одну из стеклянных бутылок на нижней полке. Раздался резкий звон. Бутылка полетела на пол и с грохотом разлетелась на сотни мелких осколков, заливая липкой жидкостью светлую плитку. Незнакомка испуганно прижала ладони к губам и посмотрела на Кэнтто. Её глаза округлились, в них заблестели слезы.

— Ничего страшного, я всё приберу, — тут же мягко успокоил её Кэнтто, приседая рядом. — Вы сами не ушиблись? Осколки не попали?

Девушка растерянно покачала головой, всё ещё не ве-

ря, что ее не ругают. Кэнто аккуратно придержал её за локоть, помогая подняться на безопасное расстояние от лужи. Незнакомка тут же принялась взволнованно кланяться:

— Простите! Пожалуйста, извините, я не хотела! Я всё оплачу, сколько это стоит?

— Не стоит, не переживайте, — Кэнто спокойно улыбнулся, и его сонный взгляд на секунду потеплел. — Это я вас напугал своим внезапным появлением, так что за эту бутылку заплачу я сам. Вы ведь тянулись за этим ликером? Давайте я достану.

Он легко выпрямился, благодаря своему росту без труда снял с верхней полки нужную бутылку и протянул девушке.

— Большое спасибо... — тихо выдохнула она, прижимая бутылку к груди.

— Я сейчас быстро выставлю желтый знак «Мокрый пол», чтобы никто не поскользнулся, и подойду к вам. Пожалуйста, проходите пока к кассе.

Девушка благодарно улыбнулась и послушно пошла к выходу. Кэнто оперативно принес из подсобки пластиковый предупреждающий знак, выставил его поверх осколков и вернулся за прилавок.

— По закону мне нужно взглянуть на ваш документ, подтверждающий возраст, — вежливо попросил Кэнто, вставая за кассу.

— Да, конечно, без проблем! — девушка понимающе кивнула и вытащила из кармана куртки пластиковую карточку.

Это был студенческий билет. Кэнтон принял его и бегло прочитал данные. На фотографии улыбалась та же девушка, ниже аккуратными иероглифами было выведено имя — Судзуки Рин, а в графе возраста значилось «22 года». Она была лишь на год младше него. Но Кэнтон зацепило другое. Логотип на карточке был ему до боли знаком. Она училась в том же самом государственном университете, что и он сам.

— Только что из университета? — не удержался Кэнтон, возвращая студенческий.

Рин удивленно вскинула брови:

— Ой, а как вы узнали?

— Простите, — Кэнтон слегка смутился и быстро принялся сканировать штрих-код на её бутылке. — Я просто сам там учусь, а здесь подрабатываю по вечерам. Я сейчас всё быстро пробью, вы, наверное, куда-то торопитесь.

Рин тепло улыбнулась и кивнула:

— Да, вы абсолютно правы, я только из университета. Подружки пригласили погулять вечером, вот я и решила, что с пустыми руками приходить будет как-то неправильно.

— Это хороший ликер, у нас его часто берут, — Кэнтон ловко упаковал бутылку в фирменный пластиковый пакет. — У вас есть скидочная карта нашего магазина?

— Нет, к сожалению, — ответила Рин, заглядывая в кошелек.

— Давайте оформим? Это займет всего пару минут.

— Ой, да нет, не стоит, я, наверное, побегу... — ответила она слегка качнув своими светло каштановыми волосами.

Кэнто мягко нажал кнопку отмены на терминале и приложил к сканеру свой личный рабочий бейдж. На экране кассы цифры мгновенно уменьшились.

— Как скажете. Я провел свою личную скидку сотрудника — считайте это небольшим извинением за предоставленные вам неудобства с той полкой.

Рин удивленно моргнула, а затем её лицо озарилось искренней, благодарной улыбкой:

— Ого... Спасибо большое! Но вам правда не стоило этого делать.

— Всё в порядке, — Кэнто протянул ей пакет. — Спасибо за покупку, приходите к нам еще.

— Еще раз спасибо. Спокойного вам вечера, Кэнто!

С этими словами она развернулась и легкой походкой направилась к выходу. Дверной колокольчик снова послушно звякнул (*дзинь*), и Рин растворилась в вечерних огнях улицы.

Кэнто проводил её взглядом и поймал себя на том, что до сих пор улыбается. Его автопилот на секунду дал сбой. «Ладно, — подумал он, возвращаясь к реальности и подсчитывая убытки. — Заплачу за ту разбитую бутылку из своего кармана. Правда, кто-то дома явно будет недоволен, когда узнает, куда ушли деньги...»

Из подсобки, зевая на ходу, лениво вынырнул Сато. Он бросил взгляд вглубь зала и нахмурился:

— Кэнто, а что это там такое желтое стоит посреди прохода? И что за лужа на полу?

Кэнто виновато опустил голову и поправил челку:

— Прости, Сато-сан. Посетительница случайно задела бутылку. Я всё уберу и, конечно же, заплачу за ущерб из своего кармана.

Сато добродушно махнул рукой и оперся о прилавок:

— Да брось ты, ничего страшного. Спишем на бой товара, не переживай. Просто прибери там, чтобы никто не поскользнулся. И... слушай, тут такое дело. Ты можешь сегодня слегка задержаться? Я не знаю точно, на сколько именно.

Твоя ночная смена опять опаздывает, этот парень вообще не дружит со временем. Выручишь?

Кэнто на мгновение задумался об Айми, которая, скорее всего, уже ждала его неподалеку. Но спорить с директором не хотелось — это было не в его правилах.

— Хорошо, без проблем, я останусь, — спокойно ответил он. — Пойду пока возьму швабру.

Кэнто взял из подсобки швабру, ведро и вернулся к желтому знаку «Мокрый пол». Наклонившись, чтобы собрать крупные осколки стекла, он внезапно почувствовал странную, ледяную дрожь, пробежавшую по спине.

— Опять балуешься с алкоголем? — раздался прямо над ухом знакомый, насмешливый женский голос. — А мне обещал, что в рот ни капли не возьмешь!

Кэнто резко обернулся, едва не выронив швабру, и увидел Айми. Она стояла совсем рядом, заглядывая ему через плечо. Заметив его реакцию, она весело зажмурилась:

— Да шучу я, шучу! Чего ты так испугался? Я же знаю, что ты у меня вообще непьющий.

— Я не испугался, — Кэнто выпрямился и поправил челку, пытаясь унять застучавшее сердце. — Это просто здоровая реакция, когда кто-то внезапно подходит со спины и трогает тебя.

Айми состроила уморительно задумчивую гримасу, при-

ложив палец к подбородку:

— Здоровая реакция, говоришь? На что? На вот это?.. — она внезапно подалась вперед и громко выдохнула: — Бу-у!

Кэнто снова вздрогнул, пошатнувшись на полшага. Айми заливисто рассмеялась, довольная своей проказой:

— Тебя так легко напугать! Ладно, домывай давай и пошли домой. Там новая серия нашего супергеройского сериала вышла, надо посмотреть!

Кэнто виновато отвел взгляд:

— Айми, тут такое дело... Я не могу прямо сейчас. Моя смена задерживается, начальник попросил остаться и подстраховать кассу.

Лицо Айми мгновенно помрачнело, а в глазах на секунду промелькнул холодный синий блеск. Она недовольно скрестила руки на груди:

— Опять тебя задерживает этот парень? Никакого уважения к чужому времени! Слушай, давай я останусь здесь и проучу его как следует?

— Не стоит, — быстро перебил её Кэнто, зная, какими разрушительными бывают «уроки» Айми. — Лучше иди до-

мой. Я как только закончу, сразу приду, хорошо?

Айми внимательно, не мигая, посмотрела на него своими огромными глазами, словно проверяя, не обманывает ли он её.

— Ладно, — наконец неохотно согласилась она. — Но только сразу домой, понял?

Кэнто послушно кивнул.

— И орешков к сериалу возьми, — добавила она, уже разворачиваясь к выходу.

— Хорошо.

— Кэнто? — из подсобки снова вышел Сато и удивленно уставился на парня. — Ты... с кем сейчас разговариваешь?

Кэнто замер со шваброй в руках. Возле стеллажа с чипсами, где секунду назад стояла Айми, было абсолютно пусто.

— Да ни с кем, Сато-сан, — Кэнто выдавил из себя спокойную улыбку и принялся усердно тереть пол. — Так, просто мысли вслух. Устал немного.

Сато подозрительно прищурился, покачал головой и снова скрылся в подсобке. Кэнто аккуратно собрал оставшиеся стекла, вытер липкую лужу от ликера и вздохнул с облегчением. Дело было сделано.

ДЗИ-И-ИНЬ!

Дверной колокольчик над головой зазвенел так яростно, словно его пытались сорвать. В магазин с громким хохотом и шумом ввалилась целая толпа парней — его однокурсники.

— Эй, Кэнто! Как дела, бро?! — закричал идущий впереди приятель, направляясь прямо к кассе.

Кэнто округлил глаза от полной неожиданности:

— Вы... ты же сказал, что позвонишь ближе к восьми!

— Да мы решили, что лучше за тобой лично зайти, а то знаем мы тебя — в этот раз ты точно не улизнешь! — приятель по-свойски приобнял Кэнто за плечи. — Сегодня ты просто обязан пойти с нами!

Такэши — университетский коллега Кэнто, был полной его противоположностью. Высокий, спортивный парень с модной, короткой мелированной причёской, он всегда выглядел так, словно только что сошел со страниц молодежного журнала. В отличие от Кэнто, у которого каждая иена была на счету, Такэши одевался дорого и со вкусом: брендовая куртка, белоснежные кроссовки и дорогие часы. Его карие глаза всегда были наполнены бьющей через край энергией и искренним счастьем при виде Кэнто. Такэши был единственным, кто упрямо пытался достучаться до Кэнто сквозь бро-

ню его отстраненности.

Остальные ребята дружно загудели, подхватывая: «Давай, Кэнто!», «Не ломайся!», «Выручай!».

— Я бы с радостью, ребят, но правда не могу, — попытался вырваться Кэнто. — Моя смена до сих пор не пришла, а я обещал Сато-сан...

В этот самый момент автоматические двери магазина со свистом распахнулись, и внутрь, тяжело дыша и на ходу снимая куртку, влетел запыхавшийся парень.

— Прости! Прости, Кэнто, пожалуйста! — взмолился он, подбегая к прилавку. — Поезда в метро встали, я бежал как мог! Я тебя сменю!

Такэши — приятель Кэнто победно вскинул руки вверх:

— Вот это удача! Слышал, Кэнто? Сама судьба за нас! Переодевайся и погнали, девчонки ждать не будут!

Кэнто посмотрел на запыхавшегося сменщика, затем на шумную толпу друзей, и в его голове со свистом захлопнулась тяжелая дверь в безопасный стальной сейф одиночества. Он понял, что деваться некуда. Парень тяжело вздохнул, стянул свой фартук и махнул рукой:

— Ладно... Только недолго.

Магазин буквально взорвался от радостных криков пар-

ней. Они подхватили Кэнта под руки и весело потащили к выходу.

— Девчонки, ждите, мы идем! — кричал кто-то, открывая дверь.

Колокольчик над дверью выдал финальное, веселое *дзинь*, и Кэнта шагнул в теплую токийскую ночь, даже не подозревая, что его ждет впереди.

Глава 2. Трещина в стальном сейфе

В комнате популярного токийского караоке-бара стояла настоящая суета. Разноцветные неоновые блики летали по стенам, из динамиков глухо бухал бас, а воздух был пропитан запахом алкоголя, парфюма и жареных закусок. Такеши, приятель Кэнта и главный заводила их группы, шумно сделал глоток из своего стакана, перехватил микрофон и с широкой ухмылкой объявил: «Ну что, девчонки, давайте знакомиться!».

Напротив семерых парней сидели семь красивых девчонок. Все они были студентами того же самого университета, где учился Кэнта. Сам Кэнта сидел чуть в стороне, на самом краю полукруглого дивана. Он никогда не ходил на подобные посиделки — и вовсе не из-за страха или стеснительности, а потому что банально не видел в них большого смысла. Данное развлечение было для него впервые в жизни.

Кэнта лениво скользил взглядом по лицам. Каждую девчонку здесь он видел впервые. Каждую, кроме одной — той,

что сидела ровно посередине.

Это была Рин. Та самая неуклюжая девчонка, которая еще час назад умудрилась разбить дорожную бутылку алкоголя в его магазине, из-за чего у Кэнто теперь гарантированно вычтут круглую сумму из и так скромной зарплаты.

Рин была из тех редких людей, от одного взгляда на которых становилось спокойнее. У неё были потрясающие, невероятно тёплые светло-карие глаза, в которых, казалось, плясали крошечные искорки утреннего солнца. Её мягкие, светло-каштановые волосы аккуратными выющимися волнами ниспадали на плечи, а лёгкая, воздушная чёлка то и дело послушно ложилась на лоб.

Она всегда одевалась просто, но со вкусом, упрямо принося уют в свои серые будни. В этот день на ней был её любимый, объёмный мягко-розовый свитер крупной вязки, который слегка сползал с одного плеча, открывая изящную ключицу с тонкой золотой цепочкой. На её лице играла робкая, но удивительно нежная и тёплая улыбка.

По залу прокатилась волна традиционных приветствий. Ребята и девушки по очереди начали представляться, называть свое имя, возраст и направление обучения в университете. Это было похоже на привычный, хорошо отрепетированный ритуал. Кэнто слушал вполуха, пока очередь наконец не дошла до середины дивана.

Когда пришел черед Рин, она заметно занервничала и на секунду покосилась на Кэнто. По её округлившимся глазам

парень понял: она узнала его. Хотя Кэнтон сейчас не был в рабочей форме и внешне не сильно отличался от других ребят, этот взгляд невозможно было перепутать.

Рин резко, словно от испуга, вскочила с дивана. Выпрямившись по струнке, как примерная ученица у доски в школе, она четко и громко проговорила свое имя и возраст.

В комнате повисла секундная пауза, а затем все дружно засмеялись. Все, кроме Кэнтон. Подружки Рин со смехом принялись резко усаживать её обратно на мягкие подушки, наперебой зашептав:

— Рин, ты чего? Тут же не школа!

— Давай, садись скорее!

— Расслабься, тут все свои, никто оценки ставить не будет!

Рин вспыхнула, её щеки моментально стали пунцовыми, и она неловко уткнулась взглядом в свои колени. Кэнтон, молча наблюдая за этой картиной, хмуро подумал: *«Вот именно поэтому я и не хожу на такие собрания. Фальшивое веселье за счет чужой неловкости»*. Он не знал наверняка, но чисто интуитивно ему показалось, что для Рин сегодняшнее мероприятие было тоже в новинку. Она выглядела здесь такой же чужой, как и он сам.

Шоу продолжалось, и круг знакомства неумолимо при-

ближался к краю дивана. Когда дело наконец дошло до Кэнто, он принял неожиданное для самого себя решение. Он решил поддержать Рин.

Как бы невзначай, демонстративно игнорируя правила расслабленной беседы, Кэнто тоже резко встал во весь рост и громко, отчетливо представился всей комнате.

Такеши и остальные ребята тут же удивленно округлили глаза и зашумели:

— Ты чего, Кэнто? С ума сошел? Сядь, не позорься!

Но девчонки смеяться не стали. Напротив, они сразу заметили одну важную особенность. Хоть Кэнто и не сильно походил на стереотипного холеного красавца или поп-идола с обложки журнала, но, когда он выпрямился, оказалось, что он довольно высокий и широкоплечий по сравнению со всеми своими друзьями. В его фигуре была какая-то надежная, спокойная сила.

Внешность Кобаяси Кэнто была такой же неброской и замкнутой, как и вся его серая жизнь в Токио. Он обладал резкими, но удивительно правильными чертами лица, которые портила лишь вечная, глухая тень усталости под глазами. Густые, антрацитово-черные волосы вечно пребывали в художественном беспорядке — Кэнто никогда не заботился о причёске, пряча растрепанные пряди под глубоким капюшоном своей темно-синей куртки. Его лицо всегда было гладко выбрито, а плотно сжатые губы выдавали привычку

упрямо молчать там, где другие жаловались на судьбу. Но самым главным в его облике были глаза. Глубокие, тёмно-карие, они казались абсолютно холодными и непроницаемыми, словно толстые бронированные двери стального сейфа, за которыми Кэнтो намертво запер свою израненную душу от остального мира...

Рин тоже подняла голову. Посмотрев на Кэнтو снизу вверх, она внезапно перестала краснеть. На её лице появилась мягкая, искренняя улыбка. Она едва заметно, одними глазами кивнула ему, без слов показывая: *«Спасибо, что тоже встал. Теперь мне не так стыдно»*.

Когда все наконец представились, Такэши вразвалочку подошел к небольшому столику с аппаратурой, победно оглядел комнату и громко спросил: «Ну что, кто тут хочет по-настоящему повеселиться?!». Он перехватил микрофон поудобнее и принялся увлеченно тыкать в кнопки пульта, выискивая нужную песню. Кэнтو прекрасно знал, что Такэши никогда не был оперным певцом, но существовала одна-единственная песня, которую тот умел исполнять действительно хорошо. К сожалению — или к счастью для всех присутствующих — это был старый поп-хит Бритни Спирс *«...Baby One More Time»*.

— Я начну первым, пожалуй, выберу проверенную классику! — самодовольно объявил Такэши в микрофон. — Но для этого трека мне позарез нужна прекрасная помощница на бэк-вокал. Кто не против?

Девчонки начали весело переглядываться, и одна из них, с крашенными под блондинку волосами, кокетливо поднялась и подошла к Такеши. Так началось музыкальное наказание, срежиссированное его приятелем.

Время потянулось своим чередом. Под грохот музыки ребята пели, смеялись и разговаривали практически обо всем на свете. Они легко делились даже самыми личными вещами, которые Кэнтю сам никогда бы в жизни не рассказал незнакомому человеку — и неважно, был бы это случайный парень или очень милая девушка. Кэнтю же по-прежнему держался особняком. Он не корчил злых гримас, не пытался казаться высокомерным — он просто откровенно скучал и то и дело незаметно поглядывал на часы.

В голове он уже во всех деталях прокручивал, что именно скажет Айми, когда наконец вернется домой. Он мысленно улыбнулся, представив, как она опять будет ругаться и отчитывать его за то, что он так долго пропадал в этом бессмысленном месте. Но, как ни странно, даже в её упреках и ворчании Кэнтю сейчас находил гораздо больше тепла, спокойствия и комфорта, чем во всем этом фальшивом празднике жизни вокруг.

Кэнтю на мгновение прикрыл глаза, спасаясь от режущего света люминесцентных ламп, и в его темноте тут же соткалось лицо Айми. Только её лицо и волосы — застывшие в памяти так отчетливо, словно она стояла прямо перед ним.

У неё были невероятные, струящиеся жемчужно-голу-

бые волосы, которые шелковым водопадом ниспадали вдоль бледных скул. Идеально ровная, тяжелая челка полностью закрывала лоб, а боковые пряди были строго и остро срезаны у подбородка по канонам древней аристократии. На этом фарфоровом лице, лишенном простых человеческих эмоций, ярким пламенем горели мистические голубые глаза. Окруженные едва заметной, призрачно-багровой тенью веков, они смотрели на Кэнтю насквозь — пронзительно, выскомерно и в то же время с той упрямой, вековой преданностью, которую он так ценил в ней.

— Кэнтю, правильно? — внезапно раздался голос с противоположной стороны дивана.

Кэнтю мгновенно пришел в себя, вынырнув из мыслей, и посмотрел на источник звука. Это была одна из черноволосых девчонок. Кэнтю спокойно кивнул.

— А чем ты вообще занимаешься? — с явным женским любопытством спросила она, слегка подавшись вперед. — Ну, в свободное время. Есть какие-то увлечения или хобби?

— Времени практически ни на что не хватает, — ровно ответил Кэнтю. — Только на учебу и работу.

Девушка удивленно покачала головой и зацепилась за его фразу:

— Ого, ты уже работаешь? А где, если не секрет?

Кэнтю ни капли не смутился своей работой, ведь в честном труде не было абсолютно ничего постыдного. Но стоило ему

спокойно и сухо произнести, что он подрабатывает обычным кассиром в мелком круглосуточном супермаркете, как у собеседницы резко, прямо на глазах, пропал весь азарт. Интерес в её глазах потух так быстро, словно кто-то щелкнул выключателем. Кассир в продуктовом явно не вписывался в её картину «перспективного парня из университета».

— А-а... Круто, — натянуто улыбнулась она, мгновенно теряя к Кэнто всякое внимание. — Что-то у меня в горле совсем пересохло, пойду налью себе еще чего-нибудь попить... А, Рин! Хочешь поговорить с Кэнто? Он вроде интересный парень.

Не дожидаясь ответа, подруга слегка подтолкнула притихшую Рин в сторону Кэнто, а сама тут же пересела на её место — поближе к остальной компании парней, которые, по её мнению, были гораздо более жизнерадостными, разговорчивыми и, очевидно, «выгодными», чем этот угрюмый, молчаливый великан-кассир.

Рин оказалась на самом краю дивана, совсем рядом с Кэнто. Между ними повисла неловкая пауза, прерываемая лишь очередным припевом, который Такеши истошно орал в микрофон.

Рин начала первой. Она неловко поправила волосы и тихо сказала:

— Привет.

— Привет, — спокойно ответил Кэнто.

— Вот уж случайность... Мы опять встретились, — Рин слабо улыбнулась, пытаясь растопить лед.

— Да, и вправду удивительно, — Кэнто слегка повернул голову в её сторону. — Вижу, твоим подругам понравился твой подарок.

Он незаметно указал глазами на ту самую черноволосую девчонку, которая сейчас увлеченно пыталась вытряхнуть из принесенной бутылки Рин последние капли ликера прямо в свой стакан. Рин коротко хмыкнула:

— Наверное, да... Но я его сама так и не попробовала.

— Ничего, — Кэнто с идеальной, выверенной до автоматизма вежливостью потянулся к столу, плавно налил в чистый стакан напиток и пододвинул его девушке. — Зато здесь неплохой яблочный сок.

Рин благодарно приняла стакан, сделала глоток и улыбнулась:

— Да, сок и вправду неплохой. Наверное, натуральный.

Кэнто скептически посмотрел на стеклянный графин и ровным голосом кассира, который наизусть знает составы всех товаров, ответил:

— Сомневаюсь, что он натуральный. Судя по цвету и осадку — обычный концентрат с лимонной кислотой. Но пить можно.

Рин искренне рассмеялась от такой приземленной точности:

— Да уж... Профессиональный взгляд! Так ты работаешь в том супермаркете? Как долго? На что-то конкретное копишь?

Обычно Кэнто терпеть не мог делиться с чужими людьми подробностями своей жизни. Свой внутренний мир он держал под семью замками. Но сейчас, в этой странной полумрачной атмосфере караоке, под мерный стук стаканов и после нескольких выпитых вместе порций яблочного сока, он подумал, что ничего плохого не случится. Всё равно он посидит тут еще минут пятнадцать, а потом окончательно сбежит из этого места к своей привычной тишине.

— Работаю там полгода, с самого начала первого семестра магистратуры, — заговорил Кэнто, и его голос звучал мягче, чем обычно. — Работа не сложная. Магазин совсем рядом с моим домом и университетом. Хозяин — порядочный человек, сильно не загоняет и платит всегда вовремя. На квартплату и еду хватает.

— Понятно, — Рин с интересом слушала, подперев щеку ладонью. — Получается, ты живешь один?

Кэнто на секунду замер. Этот простой вопрос внезапно ввел его в полный ступор. В его сознании мгновенно вспыхнул образ Айми, которая прямо сейчас сидела на подоконнике в его пустой квартире и ждала его возвращения. Живет

один?.. Формально — да. Но внутри этого вопроса скрывалась огромная тайна, которую нельзя было выдавать.

Рин сразу заметила, что Кэнто слегка занервничал, притих и отвел взгляд. Посчитав, что залезла не в свое дело, она поспешила исправить ситуацию:

— Ой, прости! Я просто сама с родителями живу... Всегда хотелось попробовать пожить одной, посмотреть, каково это — быть полностью независимой. Извини, что задала такой смущающий вопрос.

— Здесь нет ничего смущающего, — Кэнто взял себя в руки, и его натренированная Айми мягкость снова вернулась в голос. — Да, живу один. Я довольно давно переехал из родительского дома. Раньше мы жили с мамой вдвоем в небольшом городке подальше от Токио. Но, сама понимаешь, столица — это совсем другое дело. Приходится крутиться.

Рин искренне удивилась, её глаза округлились:

— Ты не из Токио?! Ни за что бы не подумала, по твоему разговору вообще не скажешь! Я-то сама здесь родилась, стопроцентная городская девчонка. Другой жизни, кроме этих неоновых вывесок и толпы, никогда не видела. Если честно, всегда втайне хотела бросить всё и пожить в какой-нибудь тихой, небольшой деревушке... Там, наверное, так спокойно.

Кэнто невольно улыбнулся — впервые за весь этот вечер

улыбка была настоящей, а не дежурной.

— Ну, я бы не сказал, что я из прямо такой глуши, как ты описываешь. Не глухая деревня. Пару тысяч человек населения там точно будет.

Рин увлеченно закивала, её глаза блестели в полумраке комнаты. В этот момент Кэнтто поймал себя на пугающей мысли: его внутренний счетчик времени, который до этого бешено тикал, напоминая о необходимости бежать домой, почему-то полностью затих. Шум караоке, крики Такеши в микрофон — всё это словно отошло на задний план, оставив их вдвоем в каком-то невидимом коконе.

Сейф, который Кэнтто строил годами, дал первую, едва заметную, но глубокую трещину.

Сам того не замечая, Кэнтто просидел так целый час. Впервые в своей жизни он хотел остаться подольше, чтобы еще немного поговорить. Их разговор тек как река. Раньше Кэнтто никогда не интересовался чужой жизнью — разве что в рамках банального приличия, — но с Рин всё было иначе. С ней было как-то легко и непринужденно. Он не чувствовал в её словах, жестах и взглядах скрытого осуждения или, наоборот, фальшивого одобрения. Она просто спокойно слушала его истории и открыто делилась своими.

Такеши, вдоволь накричавшись в микрофон и выпустив пар, наконец перевел дух и посмотрел на экран терминала. Заметив, что забронированное время вышло, он встал в

центр комнаты, как первоклассный вожатый лагеря:

— Время вышло, ребята! Но ночь еще не кончается. Кто проголодался? Я сегодня при деньгах! Кто хочет по тарелке горячего рамена? Я угощаю!

Девчонки начали сомневаться и переглядываться, неуверенно запричитав: «Ну, не знаю, у меня дела завтра...», «А мне рано вставать на пары...».

Рин тоже стала собираться. Она повернулась к Кэнтю, поправила бежевую куртку и мягко произнесла:

— Спасибо, что уделил мне время. Мне было очень приятно с тобой поговорить.

Кэнтю от этих слов слегка опешил. Внутренний автопилот подкинул ему самую официальную реакцию из возможных: он, словно на серьезном деловом собеседовании, резко протянул руку, крепко схватил ладонь Рин, пару раз встряхнул её и серьезно ответил:

— Тебе спасибо. За то, что поделилась со мной и выслушала меня.

Рин от такой официальности прыснула в кулак, но руку отнимать не спешила.

Такеши, наблюдая за этим, чувствовал легкое разочарование от сегодняшней «рыбалки». Денег на караоке он потратил прилично, а для девчонок праздник, очевидно, уже за-

кончился. Но тут в конце стола он заметил Кэнта и Рин. От того, как эти двое смотрели друг на друга, у Такэши самого на душе стало как-то светлее. Он был глубоко компанейским, преданным парнем и ради друзей был готов свернуть горы. В его голове мгновенно созрел план. *«Ладно, пускай сегодня я в пролёте, — подумал он, — но Кэнта я точно пристрою!»*

Такэши резко захлопал в ладоши, привлекая внимание:

— Кому куда? Давайте, девчонки, мы вас проводим! Время позднее, нехорошо, если на ночных улицах Токио что-то случится.

Услышав настойчивое предложение Такэши проводить их после караоке, девчонки сразу замахали руками и начали смущенно отказываться:

— Ой, да ладно вам, ребята, правда не стоит! Нам тут идти совсем рядом, буквально несколько минут.

Один из парней в компании, мгновенно уловив хитрый намек Такэши и решив подыграть другу, многозначительно кашлянул и принял серьезный вид.

— Вы не подумайте ничего дурного, девчонки, мы ведь исключительно о вашей безопасности думаем, — зловещим шёпотом произнёс он, оглядываясь по сторонам. — В Токио в последнее время черт знает что творится, люди пропадают среди бела дня и ночи. Вы ведь знаете ту глухую улочку

совсем недалеко от нашего университетского кампуса? Так вот, на районе поговаривают, что если ночью ступить на её мостовую, то сама тьма, обитающая там, поглотит тебя навсегда. Обратно ещё никто не возвращался. Впрочем, решать вам, конечно, — провожать вас или нет.

Наступила короткая, неловкая тишина. Девчонки испуганно переглянулись. Одна из них, нервно поправив ремешок сумки, тихо выдохнула:

— Ладно... Я точно не хочу нигде исчезнуть. А мне как раз в ту сторону надо, к общежитию...

— Ой, а можно мы на такси поедem? Нам втроем в одну сторону, — отозвалась одна из подруг.

Такеши этот ответ не сильно обрадовал, ведь его кошелек и так похудел, но сегодня у него была совершенно другая цель.

— Конечно, без проблем! Кому куда?

Девушки начали по очереди называть свои направления, распределяясь по машинам. Последней осталась Рин. Такеши обернулся к ней с улыбкой:

— Рин, а тебе куда ехать?

— О, мне не нужно такси, — махнула рукой Рин, указывая в сторону выхода. — Я тут совсем близко живу. Буквально через пару улиц, потом парк пройти — и я уже дома.

Такеша расплылся в победной ухмылке. Он подошел со спины, тяжело положил руку на плечо Кэнто и заглянул ему прямо в глаза:

— Отлично! Не волнуйся, Рин. Наш Кэнто живет как раз в той стороне, он тебя с радостью проводит.

Взгляд Такеша так и говорил: *«Не смей лажать, одинокий волк, я даю тебе лучший шанс в жизни»*. Кэнто почувствовал, как тяжелая ладонь друга слегка сжала его плечо, а внутри, за стальными стенками сейфа, снова заворочался холодный, пугающий страх. Счетчик времени в его голове внезапно включился и истошно завопил: *«Ты отсутствуешь уже слишком долго. Айми ждет»*.

Кэнто молча кивнул, глуша внутреннюю панику, и спокойно произнес:

— Конечно. Мне всё равно по пути.

Такеша с силой стукнул Кэнто по плечу и довольно подмигнул:

— Молоток, Кэнто! Настоящий джентльмен. Ну что, девчонки, кто едет со мной в сторону станции?

Попрощавшись с шумной компанией, Рин и Кэнто остались вдвоем. Они неторопливо пошли пешком по залитой неонам ночной улице Токио. Но, как назло, разговор больше никак не складывался. Там, в караоке-боксе, среди толпы ре-

бят и под оглушительные оры Такеши, слова рождались сами собой, и общаться было намного проще. Здесь же, один на один, в окружении гулких звуков засыпающего мегаполиса, всё казалось недостижимым и слишком личным. В воздухе повисло странное ощущение: будто Кэнтто должен был сказать что-то такое, чего он никогда и никому в своей жизни не говорил. Но он понятия не имел, надо ли вообще это делать, и захочет ли Рин его слушать.

Рин шла рядом, мерно стуча каблуками по мощеным камням тротуара. Наконец она подняла голову к небу и нарушила тишину:

— Люблю такую погоду... Не слишком жарко и не слишком холодно. Самое то для прогулок. А тебе как, Кэнтто?

Кэнтто на автомате, даже не задумавшись, выдал привычную сухую фразу:

— Мне хорошо.

Но тут же, поймав себя на мысли, что ответил слишком грубо и невпопад, он вспомнил, как Айми когда-то учила его мягкости в диалоге. Переборов неловкость, Кэнтто поспешно добавил:

— Погода хорошая. Комфортная. Не слишком влажно и не сухо. Знаешь... идеальный баланс для кожи.

Рин от такого неожиданного и детального ответа удив-

ленно моргнула, а затем тихо и очень искренне рассмеялась, оценив его приземленную заботу. Атмосфера между ними снова едва заметно потеплела, но Кэнтто в этот момент невольно опустил руку в карман куртки, где лежал мобильный телефон. Внутренний таймер, натренированный годами изоляции, снова начал болезненно пульсировать в голове, упрямо напоминая: *«Ты задерживаешься. Час уже прошел. Дома тебя ждут»*.

— Мне тоже хорошо, — тихо сказала Рин, глядя на него снизу вверх. — Но я думаю, дело тут не только в погоде. А в том, что у меня сегодня просто очень хороший собеседник.

Кэнтто искренне удивился такой открытости. За всю свою жизнь он никогда и ни от кого не слышал подобных слов — кроме как от Айми. Но Айми всегда говорила это как-то по-другому, по-особенному. Как преданный друг из далекого прошлого, с которым вы провели вместе слишком много времени и разделили слишком много секретов.

Как назло, разговаривая о хорошей погоде, с серого неба снова начал капать холодный, упрямый дождь. Капли шумно застучали по тротуару, размывая и без того тусклые краски токийского вечера. Кэнтто на автомате принялся проверять карманы своей куртки, но с досадой вспомнил, что в утренней спешке оставил свой зонт дома, на кухонном столе у старого холодильника. Ему оставалось только поглубже натянуть капюшон, приготовившись мокнуть на протяжении всей дороги.

Но Рин, шедшая рядом, лишь тихо и мягко рассмеялась. Расстегнув замок своей небольшой сумочки, она бережно достала оттуда аккуратный складной зонтик, с лёгким щелчком раскрыла его над их головами и, чуть приподнявшись на носочках, ласково протянула ручку Кэнто.

Кэнто слегка замешкался. Его «стальной сейф» по привычке требовал отказаться, проявить гордость и спрятаться на своём глухом автопилоте. Но, встретившись взглядом с её тёплыми светло-кариими глазами, парень сдался. Он медленно протянул руку и перехватил тонкую пластиковую ручку. Его пальцы на мгновение коснулись горячей ладони Рин, и этот мимолетный физический контакт отозвался в груди Кэнто странным, давно забытым чувством защищенности. Прижавшись плечом к плечу, чтобы не попасть под косые струи воды, они вместе пошли дальше по мокрому асфальту токийской улицы.

Рин и Кэнто незаметно пересекли границу ночного парка. Внутри, под сенью старых раскидистых деревьев, было невероятно спокойно и тихо. Городской шум Синдзюку остался где-то позади, отрезанный невидимой стеной.

Пройдя чуть глубже по аллее, Рин внезапно остановилась и повернулась к парню лицом.

— Знаешь, Кэнто... — мягко заговорила она. — Я действительно хорошо провела время. Ты... не похож на других ребят. Ты совсем не пытаешься как-то специально заинтере-

совать и развлечь меня, не строишь из себя кого-то другого. И, что самое важное, ты не хочешь переложить свои внутренние проблемы и тревоги на окружающих. Я знаю, о чем говорю. Мои подруги часто жалуются мне, что их парни такие недалекие, совсем не уделяют им искреннего внимания и делают всё будто назло.

Рин сделала небольшой шаг вперед, заглядывая Кэнтю прямо в глаза.

— Я хочу тебя попросить... Давай дружить? То есть... давай просто продолжим наше общение, если ты не против. Давай обменяемся номерами телефонов?

Кэнто был буквально поражен этой открытостью и честностью. Он совсем не ожидал от неё такого шага. Парень давно привык к тому, что современный мир устроен довольно эгоцентрично, цинично и каждый человек заиклен исключительно на себе. Конечно, иногда в жизни встречаются редкие исключения — люди вроде него самого, прямолинейного Такеши или вот такой Рин. Но это было скорее удивительное исключение, чем жесткое правило.

Рука Кэнто автоматически потянулась к карману куртки, где лежал телефон. Внутри него уже созрел ответ, ему искренне хотелось сказать: *«Да, конечно, давай»*.

Но прямо в этот момент его рука резко остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду. В его сознании тяжелым, парализующим грузом всплыл образ Айми.

С Айми они были близки давным-давно. Она была невероятно дорога ему. Ведь именно она — единственная, — была рядом с ним практически всю его сознательную жизнь, проходя через все его падения, слезы и редкие моменты радости. Айми, несмотря на весь её сложный, колючий характер и бесконечные капризы, связанные с той или иной едой, была для Кэнтто целым миром. Тем самым скрытым от чужих глаз миром, где ему всегда было абсолютно безопасно, комфортно и где никто и никогда во всей вселенной не смог бы причинить ему боль. Заключить новое знакомство, впустить в свою жизнь Рин — в понимании его внутреннего мира это ощущалось как предательство той тишины, которую они с Айми так долго оберегали.

Кэнтто на секунду засомневался, чувствуя, как внутри него с глухим скрежетом сталкиваются две логики. Но затем, переборов секундное оцепенение, он всё же достал телефон:

— Конечно. Давай будем на связи.

Рин очень обрадовалась его словам. От избытка чистых эмоций она импульсивно шагнула вперед, мягко перехватила его ладони своими руками и тепло выдохнула:

— Спасибо!

В это мгновение Кэнтто почувствовал через её ладони невероятное, давно забытое тепло. Это было то самое живое, согревающее чувство, которое он не ощущал очень и очень

давно — с тех самых далеких детских лет, когда мир вокруг еще не казался ему холодной «бездной».

Но прямо в эту секунду, пока Рин с улыбкой держала его за руки, что-то в глубине парка пошло не так. Какое-то странное, леденящее душу ощущение поднялось из самой темноты аллеи. Что-то, к чему Кэнто совершенно не был готов. Что-то, что должно было раз и навсегда изменить его привычную жизнь и разрушить стальной сейф его автопилота до самого основания.

Глава 3. Изнанка

Вдруг подул сильный, пронизывающий ветер, и вековые деревья парка протяжно, зловеще заныли. Рин резко укуталась в свое пальто, пытаясь спастись от внезапного холода, а Кэнто медленно повернул голову в сторону сгущающейся темноты. По каменной тропинке, неспешно и плавно, шла знакомая фигура. В этом силуэте Кэнто безошибочно узнал её.

Это была Айми.

— Что ты тут делаешь, Кэнто? — тихо спросила Айми, остановившись в нескольких шагах. Её голос звучал неестественно спокойно, но в воздухе уже пахло озоном и грозой. — Я ждала тебя дома, как мы и договаривались. Но тебя долго не было. Я заволновалась, пошла к тебе на работу, но тебя там уже не было. Где ты был всё это время?

Кэнто медленно сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как автопилот внутри него начинает давать сбой от накатившего

напряжения.

— Я был с друзьями, — ровно ответил он. — Немного повеселились в караоке.

Айми опасно сверкнула своими глубокими синими глазами.

— Значит, вот как это теперь у тебя называется... — прошептала она, и шаг за шагом двинулась вперед. — А мне кажется, дорогой, это называется по-другому. Измена.

— Измена? О чем ты вообще говоришь? — Кэнто нахмурился, чувствуя, как ситуация выходит из-под контроля.

— Не делай из меня дуру! — в голосе Айми впервые прорезались ядовитые нотки. — Кто эта девчонка? И почему вместо того, чтобы сидеть дома со своей преданной и верной женой, ты, дорогой, гуляешь с ней по ночам за руки?

— Мы не гуляем за руки, я просто провожаю её до дома, — Кэнто попытался сделать глубокий вдох, но холодный воздух обжег легкие. Слова Айми больно зацепили его рацию. — И какая «жена»? Я никогда не думал, что у нас с тобой такие отношения.

Айми вдруг звонко, истерично рассмеялась, и этот смех эхом разнесся по притихшей аллее:

— Дорогой мой, Кэнто! А кто я, по-твоему, еще для тебя? Парень и девушка долгими годами живут вместе. Одни, под

одной крышей, делят трудности и радости вместе. Конечно, мы супруги!

Рин, непрерывно потирая плечи от жуткого, пробирающего до костей холода, испуганно посмотрела на замеревшего парня.

— С кем ты говоришь, Кэнтон? — её голос дрожал.

— Ни с кем, Рин, — глухо бросил он, не отводя взгляда от Айми.

— Ах, вот так? — Айми резко замолчала, и на её лице отразилась глубокая, искренняя боль. — Я для тебя уже «никто»? То есть всё, что я делала для тебя, была с тобой все эти годы, залечивала твои раны, слушала и утешала тебя... это уже ничего не значит?

— Я не это имел в виду. Просто... — Кэнтон запутался в собственных мыслях.

— Просто что, дорогой? Говори как есть! — потребовала она, подступая ещё ближе.

Рин обеспокоенно потянула Кэнтон за рукав, испуганно озираясь по сторонам:

— Кэнтон, ну правда, с кем ты разговариваешь? Там же никого нет! На аллее пусто!

Кэнтон посмотрел прямо в синие глаза Айми. Вся накопленная за годы усталость, весь этот цинизм и прагматизм вырвались наружу. Он решил разрубить этот узел раз и навсегда.

гда.

— Просто... ты не настоящая, Айми. Ты — плод моего воображения. Я сам создал тебя, когда мне было невыносимо одиноко и больно. Но теперь я вырос. Я хочу, чтобы всё было по-другому, понимаешь? Прости меня.

На секунду в парке повисла мертвая тишина. Айми смотрела на него так, словно он ударил её ножом в грудь.

— Понять тебя?.. Воображаемая?! — её голос сорвался на крик. — О чем ты вообще говоришь?! Думаешь, ты мой создатель? Что я какая-то твоя невидимая подушка для слез и соплей?! Ты только что растоптал мои чувства. Выкинул в мусорный бак абсолютно всё, что мы строили все эти годы! Хочешь новой жизни? Получай. Я с тобой развожусь!

Кэнтон, окончательно поддавшись эмоциям и злясь на самого себя за то, что ведет себя как сумасшедший посреди пустого парка, вскинул голову и крикнул в пустоту:

— Как скажешь! Я и так выгляжу полным психом, разговаривая тут с воздухом! Хочешь развода? Я даю свое согласие! Слышишь?! Ты довольна?!

По бледным щекам Айми беззвучно покатились слезы. На её губах появилась горькая, страшная улыбка, и со скрипом в голосе она прошептала:

— Да будет так. Приготовься, Кэнтон... Я заберу у тебя всё. Кэнтон резко отвернулся, пряча руки в карманы. Его трясло.

— Успехов тебе. Рин, пошли отсюда. Мне просто... что-то слышалось.

Парень сделал шаг вперед, но тут же остановился как вкопанный. Посмотрев на Рин, он увидел на её лице первобытный, парализующий ужас. Девушка, тяжело и прерывисто дыша от страха и полного непонимания, медленно подняла дрожащую руку и указала пальцем прямо перед собой — туда, где только что стояла Айми.

— К-Кэнтон... — едва слышно выдавила Рин, отступая назад. — Ты... ты её видишь? Эту девушку... с белыми волосами? Как?! Ее же секунду назад здесь не было!

Внутренний стальной сейф Кэнтон с грохотом разлетелся на куски. Рин видела её. Айми была реальной.

Кэнтон ошарашенно перевел взгляд с побледневшей Рин на Айми и хрипло переспросил:

— Ты... ты правда ее видишь?

— Да, вижу! — Рин попятилась, почти теряя равновесие от ужаса.

Кэнтон резко обернулся к Айми. Она стояла неподвижно, молча вытирая ладонью последние слезы. В её синих глазах больше не было уязвимости — только холодное, беспощад-

ное решение.

— Я тебе этого никогда не прощу, Кэнто, — тихо, но отчетливо произнесла она.

В тот же миг её силуэт начал искажаться. Тонкая ткань домашней одежды прямо на глазах стала покрываться густым, призрачно-белым мехом. Человеческие очертания поплыли, а на голове стремительно выросли острые лисьи уши. Прошло всего несколько секунд, и вместо плачущей девушки перед ними на каменной тропинке стояла величественная, пугающая белая лисица.

Лисица медленно, с тяжелым глухим стуком ударила передней лапой по кирпичной кладке аллеи.

Шквалистый ветер поднялся с невероятной силой, заставив вековые деревья гнуться до самой земли. Плотные ночные тучи над Токио в одно мгновение рассеялись, обнажив идеальный диск полной луны. Но луна больше не была серебряной. Она вспыхнула зловещим, алым цветом, окрасив весь парк в багровые тона.

Земля под ногами Рин и Кэнто глухо задрожала. Парк ходил ходуном, словно при сильнейшем землетрясении. Рин в абсолютном первобытном страхе намертво вцепилась в куртку Кэнто, едва перекрикивая рев ветра:

— Что происходит?! Кэнто, что это такое?!

— Я не знаю! — крикнул Кэнто, пытаясь удержать равновесие, но автопилот в его голове окончательно отключился.

Кирпичи мощеной тропинки один за другим, с оглушительным треском, начали отрываться и проваливаться вниз, открывая под парком бесконечную, пылающую фиолетовую бездну. Пространство реального мира стремительно рвалось на куски.

Внезапно земля ушла из-под ног Рин. Кирпичи, на которых она стояла, рухнули в пустоту, и девушка с пронзительным криком резко полетела вниз.

Кэнто среагировал мгновенно. В самый последний момент, на чистых рефлексх, он успел выкинуть руку вперед и мертвой хваткой ухватил Рин за запястье. Но вытянуть её обратно наверх у него не было никакой возможности: вес девушки тянул его к краю, а безопасная поверхность таяла на глазах. Через долю секунды последние кирпичи под самим Кэнто тоже исчезли, лишив его точки опоры.

Потеряв последнюю связь с реальностью, они оба с криком рухнули в чернильно - фиолетовое нечто, оставляя позади ночной Токио.

Врата в Мир Духов захлопнулись.

Голова Кэнто трещала так, как будто он не спал несколько лет. Каждая мысль отзывалась тупой, пульсирующей болью в висках. Он с трудом открыл глаза и, пытаясь нащупать точку опоры, положил ладонь на шероховатую каменную дорогу.

— Эй, осторожнее! Смотри, куда руки раскидываешь! — раздался тонкий писклявый голосок прямо у его пальцев.

Кэнто сфокусировал взгляд и удивленно моргнул. Прямо возле его ладони копошились несколько маленьких, круглых, светящихся шариков. У этих крошечных существ, похожих на ожившие сгустки света, были даже свои микроскопические вещички — сумочки и узелки.

Писклявый голос, принадлежащий самому крупному шарiku, недовольно продолжил:

— То, что ты такой большой, еще не дает тебе права давить мою семью! Пошли, дорогая. Что за народ нынче пошел...

Светящееся семейство возмущенно засеменило дальше по своим делам. Кэнто, ошарашенный увиденным, резко встал на ноги и огляделся по сторонам.

Перед ним открылся целый огромный, новый, неизведанный мир. Всё вокруг сияло: вдоль дорог тянулись бесконечные ряды ярких, причудливых фонарей, под ногами расстилались мягкие неоновые дорожки, а по сторонам теснились лавочки и палатки со странными товарами. Жизнь здесь кипела полным ходом, хотя самой жизнью в этом месте даже и не пахло. Самые разнообразные призраки, полупрозрачные тени и диковинные духи окружали Кэнто со всех сторон. Сам этот мир напоминал колоссальный, уходящий в бесконечность колодец — у него не было видно ни дна, ни крыши, только уходящие вверх и вниз ярусы призрачного мегаполиса.

Кэнтó судорожно осмотрелся вокруг, его внутренний голос замолчал от удивления. Место, в котором они очутились, меньше всего походило на мистическое логово духов — оно поражало своими масштабами и очень напоминало гигантский, бесконечный терминал центрального вокзала. Высокие гранитные своды уходили в полумрак, а воздух был пропитан запахом озона, сырого камня и старого железа.

Внезапно под самым потолком с глухим щелчком включились исполинские динамики. Металлический, строгий голос из большого микрофона эхом разнесся над платформой:

— Внимание всем прибывшим. Просьба немедленно отойти от края четвёртой платформы. Повторяю: отойдите от четвёртой платформы.

Вокруг них клубилась странная, упорядоченная суeta. Прямо мимо застывшего Кэнтó, шлепая подошвами по гладкому камню, спешили причудливые тени. Совсем рядом взволнованно слышались чьи-то голоса:

— Пошли скорее на регистрацию, а то я отсюда уже вижу, какая там выстроилась очередь!

С другой стороны их обогнала пара иных странных существ в длинных плащах, чьи негромкие голоса беспечно отмахивались от чужой паники:

— Да ладно тебе, ты же всё проверила трижды. Ну, забы-

ли, значит, забыли. Никому они дома теперь не нужны...

Кэнто судорожно сжал кулаки, чувствуя, как его внутренний «стальной сейф» закрывается на все замки, готовясь к обороне. Он обернулся, чтобы найти Рин.

В этот момент Рин тоже пришла в себя. Размахивая руками, она испуганно осмотрелась по сторонам, и её мозг моментально выдал защитную реакцию. В абсолютной панике она с места запрыгнула на Кэнто, мертвой хваткой вцепившись в его шею, и истошно закричала на весь квартал:

— Что тут происходит?! Я умерла?! Почему?! Я же такая молодая, я не могла умереть! За что?!

Проходящие мимо духи и призраки начали оборачиваться на крик. Они недоуменно переглядывались и перешептывались между собой, обходя застывшего Кэнто стороной:

— Они что, сумасшедшие?

— Да нет, просто новенькие, наверное. Не освоились еще.

— Какие-то они странные... Живые, что ли?

Кэнто стоял посреди этой кишасей призрачной толпы, удерживая быющуюся в истерике Рин, а внутренний голос саркастично шепнул ему: *«Ну что, джентльмен, проводил девочку до дома? Добро пожаловать в новый мир».*

Кэнто крепко перехватил быющуюся в панике Рин за талию и силой опустил её обратно на каменную мостовую.

— Успокойся, — сухо, но твердо произнес он, пытаясь вернуть свой привычный автопилот. — Ты пугаешь окружающих.

Рин округлила глаза, в которых читалось абсолютное возмущение пополам с безумием:

— Я?! Я пугаю?! Да ты посмотри на них! У этого парня вместо лица голова рыбы, а у того вон вообще головы нет, он её под мышкой несёт! И это ещё я пугаю?! Что тут происходит, Кэнто? Где мы? Как мы вообще тут оказались?!

— Хотел бы я сказать тебе, но сам не знаю, — Кэнто нахмурился, оценивая обстановку. — Но я точно знаю, что нам лучше уходить. Местные начинают собираться в толпу.

Он крепко взял Рин за руку, и они быстрым шагом пошли вперед, пробираясь сквозь кишачий поток призраков. Мир-колодец жил своей, совершенно немыслимой жизнью. «Люди» здесь, если можно было их так назвать, занимались самыми будничными вещами. Вот мимо них прошла группа младших школьников в разноцветных масках демонов "Они" — они послушно шли парами, держась за руки, вслед за строгим воспитателем. А через дорогу, за огромным панорамным окном соседнего ресторана, шла серьезная бизнес-встреча. Один из солидных мужчин в дорогом костюме, но с огромной головой цапли, прямо посреди переговоров увлеченно вил себе гнездо из салфеток и веток на стуле, чтобы сиделось поудобнее.

Кэнто судорожно сжал кулаки. Пытаясь уцепиться за хоть какую-то привычную реальность, он засунул руку в карман куртки и достал свой мобильный телефон, чтобы проверить, есть ли связь в этом мире. Но аппарат не отзывался. Экран оставался абсолютно чёрным и мёртвым, словно из него в один миг выкачали всю энергию. Гаджет превратился в бесполезный кусок пластика.

Кэнто хмуро убрал устройство обратно и тихо, сквозь зубы, ругнулся:

— Чёрт... Похоже, он сдох. Но лучше он, чем мы.

Рин испуганно дернула Кэнто за рукав:

— Куда мы вообще идем?

— Не знаю. Тут должно быть какое-то центральное место... Ну, знаешь, вроде информ-бюро, — Кэнто внимательно сканировал глазами ярусы спирального города.

— Кто тебе такое сказал?! — Рин едва успевала переставлять ноги за его широкими шагами.

— Во всех нормальных городах такие есть, и это место, думаю, не исключение, — Кэнто резко остановился и прищурился. На противоположной стороне гигантского колодца, несколькими ярусами ниже, среди неоновых вывесок и ярких оранжевых фонарей отчетливо виднелись светящиеся символы: «ИНФОРМАЦИЯ». Парень указал туда пальцем: — Смотри, Рин. Вон там. Вопрос только в том, как нам до-

туда добраться.

Рин посмотрела на уходящие вниз километровые пролеты и закрученные мосты, а затем огляделась по сторонам:

— Может быть, здесь транспорт какой-то ходит?

— Какой еще транспорт? — Кэнтó скептически выгнул бровь.

— Ну, хотя бы вот этот, — Рин кивнула в сторону обочины.

Прямо перед ними располагалась забитая до отказа остановка. Десятки самых разномастных духов, призраков и парящих "Они" терпеливо стояли в очереди, всматриваясь вглубь тоннеля и ожидая нужного призрачного монорельса, который со свистом проносился по внутреннему кольцу этого безумного колодца.

Рин и Кэнтó подошли к краю платформы и уставились на расписание. Но вместо привычной схемы токийского метро они увидели сумасшедший хаос: светящиеся графики на табло постоянно скакали, а линии маршрутов пересекались в такие дикие переплетения, что у Кэнтó сразу закружилась голова.

— Ничего не понимаю, — Кэнтó нахмурился, потирая виски. — Надо у кого-то спросить. Подожди меня здесь, я сейчас узнаю дорогу.

Он отошел чуть в сторону, лавируя между духом-зонтиком и огромным демоном, в поисках кого-то, кто хотя бы от-

даленно был похож на обычного, адекватного человека.

Рин осталась стоять одна у мерцающего расписания. Оглядевшись, она вдруг заметила на скамейке невероятно милого маленького медведя. Он выглядел очень солидно — на нем было надето дорогой, аккуратный серый костюм, а в лапе он держал небольшую сумку. Рин, не удержавшись перед такой милотой, наклонилась к нему и вежливо спросила:

— Извините... Не подскажете, нам с другом нужно в информ-бюро, но оно находится на той стороне колодца. Как нам лучше до туда добраться?

Маленький медведь внезапно ответил приятным, мягким женским голосом:

— Не волнуйтесь, дорогуша, тут ничего сложного. Вам нужна вот эта кольцевая ветка. Проедете по ней буквально несколько остановок — и вы на месте.

Рин искренне обрадовалась, ее страх перед новым миром на секунду отступил:

— Спасибо вам большое! — Она внимательно присмотрелась к доброму пушистому жителю и восторженно добавила: — Вы очень милая! И этот костюм... он просто идеально подчеркивает ваши красивые темные глаза.

Медведица кокетливо улыбнулась, явно не ожидая такого внимания от живой девушки:

— Оу, спасибо, дорогуша, за комплимент. Мне очень, очень приятно.

Рин расплылась в улыбке и, поддавшись порыву, выдала:

— А можно вас... за ушком почесать или по голове погладить?

Медведица от такой наглости искренне удивилась, её маленькие уши забавные дернулись:

— Что-о?!

В это время Кэнто безуспешно пытался разузнать дорогу у других пассажиров. Но все вокруг либо были слишком заняты своими делами, либо объясняли маршрут с помощью таких странных местных терминов, что парень запутался еще сильнее. Кэнто изрядно вымотался. Он остановился у самого края бездны, тяжело дыша, и посмотрел на уходящие вниз бескрайние, мерцающие ярусы города.

В его голове вихрем пронеслись мысли об Айми. Перед глазами стояло её заплаканное лицо и те страшные, полные боли слова, которые он ей наговорил в парке. Его разрывало изнутри от полного непонимания и зарождающегося чувства вины. Кэнто с силой сжал кулак, так, что ногти вонзились в ладонь, и зло шепнул самому себе: *«Соберись! Рин сейчас рассчитывает только на тебя. Ты должен вытащить её отсюда»*.

Парень обернулся, чтобы вернуться к Рин, но его взгляд случайно зацепился за одного из духов, сидевших на лавочке. Тот спокойно читал местную газету. Прямо на развороте, под крупным иероглифом, Кэнтю увидел... фотографию Айми.

Сердце Кэнтю пропустило удар. Не помня себя от шока, он рванулся вперед, бесцеремонно вырвал призрачную газету прямо из рук ошарашенного духа и лихорадочно стал перелистывать ее на первую страницу, чтобы прочитать главный заголовок.

— Эй! Ты что творишь, парень?! — возмущенно залепетал пострадавший дух, пытаясь вернуть свое чтиво.

Но Кэнтю, даже не глядя на него, лишь отрывисто и тяжело бросал:

— Пожалуйста... Одну минуту. Мне очень надо. Одну минуту!

Дух недовольно посмотрел на его высокий рост, грозный вид и дикие, горящие глаза, после чего обреченно покачал головой, махнул рукой и откинулся на спинку скамьи, позволяя Кэнтю дочитать.

Кэнтю лихорадочно перевернул страницу на главную новость дня. На первой полосе красовался огромный, жирный заголовок:

«Младшая дочь клана Инари вернулась домой. Долгожданное воссоединение спустя 15 лет».

Ниже была напечатана большая, четкая фотография Ай-ми. На снимке она выглядела величественно, совсем не так, как в их маленькой токийской квартирке: на ней было роскошное традиционное белоснежно голубое кимоно с серебряным поясом поверх него, а за спиной призрачным шлейфом угадывались очертания лисьих хвостов.

Кэнто удивленно, почти не дыша, смотрел на эту фотографию. В его голове, и без того раскалывающейся от боли, возникло еще больше вопросов. Какой еще клан Инари? Какое воссоединение спустя 15 лет? Получается, всё это время в его квартире жила не просто выдуманная им галлюцинация, а настоящая принцесса этого безумного мира духов? И она скрывалась у него целых 15 лет?

В этот момент к нему быстрыми шагами подошла Рин. Её лицо сияло от маленькой победы:

— Кэнто! Я узнала, я знаю, как нам перебраться на ту сторону! Та милая медведица подсказала, нам нужна кольцевая ветка...

Она осеклась, заметив, что парень стоит неподвижно и белым как мел лицом смотрит в призрачные листы. Рин заглянула через его плечо:

— Кэнто?.. Что с тобой? Что это у тебя? — Она присмотрелась к фотографии. — Погоди, это же... это та самая девушка из парка с белыми волосами! Почему она в газете?

Кэнто, ты слышишь меня?! Ответь!

Но Кэнто её не слышал. Он полностью погрузился в свои мысли. Внутренний автопилот окончательно отключился, оставив его один на один с пугающей правдой. Оглушительный гул призрачного города Изнанки, свист приближающегося к платформе монорельса, испуганный голос Рин — всё это превратилось в далекий, смазанный фоновый шум. Он понял, что его тихий развод с «воображаемой» женой на самом деле запустил ход огромного, безжалостного механизма целой империи.

Глава 4. Судебный иск клана Инари

Высокая, статная женщина стремительным, тяжёлым шагом шла по бесконечному коридору главной резиденции Верховного Клана Инари. Ее жесткие, белоснежные волосы были строго зачесаны назад, полностью открывая высокий лоб, и бурным, яростным потоком падали на плечи, напоминая пышную гриву разъяренного льва. В сочетании с горящими янтарными глазами эта царственная прическа мгновенно выдавала в ней опасного хищника.

Вековое родовое гнездо лисиц клана Инари поражало своим суровым, королевским пафосом, где древние аристократические традиции монументально сочетались с холодным стилем современного кланового бизнеса. По обе стороны коридора тянулись исполинские колонны из черного лакированного кедра, отполированного до зеркального блеска. Пол, выложенный плитами темного шлифованного гранита, от-

ражал силуэт идущей женщины, словно водная гладь священного озера. Вместо стен здесь выстроились массивные раздвижные панели-сёдзи из золочёной бумаги, на которых тушью были начертаны древние пакты и семейные гербы. Воздух был пропитан дорогим ароматом сандала, влажной хвой и леденящей, удушающей аурой, заставляющей младших слуг Клана в строгих темных костюмах испуганно вжиться в стены при её приближении.

На женщине был безупречно скроенный, баснословно дорогой бордовый костюм. Пиджака не было, белоснежные рукава её рубашки были агрессивно закатаны до самых локтей, обнажая сильные, рельефные руки воительницы, а на приталенном бордовом жилете с золотыми пуговицами красовалась изящная вышивка в виде золотого пламени — священный символ высшей знати Инари. Каждая деталь её облика кричала о том, что это опасная женщина, а ярость в ее глазах была готова выжечь любого, кто встанет на ее пути...

У неё был крайне недовольный вид. Она буквально рычала сквозь зубы, содрогаясь от сдерживаемой ярости:

— Эти репортеры... Настоящие кровопийцы! Так бы и откусила им башку! Так наживаться на горе моей семьи... Мерзкие, мелкие, мягкотелые существа!

Подойдя к массивным деревянным дверям в конце коридора, она в сердцах с силой ударила кулаком по одной из колон. По прочному дереву тут же с сухим треском поползла

глубокая трещина. Стоявшие на часах дворецкие с испуганным видом уставились на неё, втянув головы в плечи. Женщина резко повернулась к ним лицом, сверкнув алым взглядом:

— Тебе особенное приглашение нужно?! Ждёшь чего? Дверь открой!

Невысокий дворецкий, внешне очень похожий на старую лысую черепашку, засуетился и поспешно распахнул перед ней тяжелые створки.

Женщина вошла внутрь. Это была старшая сестра Айми — Дайки, более известная в узких кругах Мира Духов под пугающим прозвищем Лунный Клык. Главная работа Дайки внутри Клана никогда не была связана с сухими юридическими бумажками или дипломатическими спорами. Она была официальным «чистильщиком» семьи. Её прямая обязанность заключалась в хладнокровном устранении любых проблем, угроз и помех, которые могли бросить тень на вековое величие рода Инари. И Дайки было абсолютно плевать, какими путями и методами придётся действовать — проливать ли кровь или уничтожать чужие кланы. Для нее существовал лишь один закон — закон силы. что конечный результат будет гарантировать безопасность ее семьи.

Перед ней открылась безмолвная, тяжелая картина. Отец, нынешний глава великого семейства Инари, статный белый лис в традиционных одеждах, неподвижно стоял у огромного панорамного окна и молча смотрел на раскинувшийся вни-

зу спиральный город. На нём было тяжёлое чернильно-черное хаори, по шёлковым полам которого драгоценными нитями струилась ювелирная золотая вышивка, изображающая вздымающиеся язычки священного пламени Клана Инари. Этот глубокий чёрный цвет ткани казался бездонным, а золото на нем вспыхивало при каждом движении, без слов заявляя о безграничной власти и вековом величии хозяина резиденции.

Лицо Главы Клана Инари казалось высеченным из холодного, бледного мрамора — безупречное, аристократичное и абсолютно непроницаемое для чужих эмоций. Длинные, зачесанные назад белоснежные пряди обрамляли его высокие скулы и волевой подбородок, тонкими серебряными нитями падая на тёмный шёлк хаори.

Но по-настоящему пугающим его облик делали глаза. Вернее, то, что от них осталось. Правая половина его лица была безжалостно рассечена старыми, глубокими шрамами — памятью о былых безжалостных войнах за власть на Изнанке. Этот глаз был навечно закрыт, подернут блеклой, мёртвой пеленой. Зато левый, единственный уцелевший глаз горел ровным, удушающим янтарным пламенем. В его зрачке, окруженном хищным лисьим прищуром, не было ни капли тепла или жалости — лишь леденящий ум, стопроцентный контроль и вековая, сокрушительная мощь древнего ёкая.

На широком дорогом диване в центре комнаты, словно

статуя из чистейшего нефрита, восседала его супруга — госпожа Тиэ — как всегда утонченная, безупречно аккуратная и внешне абсолютно спокойная. Её бледное, благородное лицо с тонкими, безупречными чертами казалось застывшей маской, на которой время не посмело оставить ни единого следа. Пепельно-голубые, почти белоснежные волосы были безукоризненно гладко зачесаны вверх и собраны в сложный, высокий традиционный пучок, скрепленный изящной деревянной шпилькой-канзаши. Идеально ровная, тяжелая челка опускалась до самых бровей, подчеркивая гипнотизирующий, леденящий взгляд ее янтарно-рубиновых глаз. В этих глазах не было материнской мягкости — лишь абсолютная, вековая преданность интересам семьи и холодный, аналитический расчёт.

В противовес мрачному, угольно-чёрному хаори мужа, госпожа Тиэ была облачена в ослепительно-белое шёлковое кимоно. По его драгоценной ткани тянулась искусная, едва заметная вышивка матовым золотом, изображающая переплетенные лисьи хвосты и колосья риса. Госпожа Тиэ держала спину неестественно прямо, однако её руки слегка подрагивали. У неё на коленях, свернувшись в клубок, лежала призрачно-белая лисица и горько, безутешно плакала.

Это была Айми, которая после возвращения так и не захотела принимать свою человеческую форму. Она уткнулась носом в шелк материнского кимоно, и её пушистый хвост мелко дрожал от пережитой боли и унижения.

Напротив матери с дочерью тихо сидел невысокий старик с короткими белоснежными волосами. Он медленно, методично потирал стёкла своих круглых очков краем шелкового платка. Это был бывший глава семейства, дедушка Айми — Гэнки Инари. В отличие от глав клана, чьи роскошные одеяния слепили глаза золотыми вышивками и кричали о безграничной власти, старейшина был одет удивительно скромно. На нём было простое, слегка заношенное серое кимоно из плотного сукна, по краям которого тянулась едва заметная, строгая чёрная нить. На его мудром лице, покрытом глубокими морщинами-бороздами, не было и следа того леденящего пафоса, которым дышала остальная верхушка Клана Инари. Его прищуренные, выцветшие от времени глаза смотрели на вошедшую Дайки с мягкой, проникательной теплотой — старик прекрасно понимал, что за ее напускной агрессией скрывается лишь отчаянная попытка защитить семью.

Дайки не стала церемониться в выражениях. Сделав широкий шаг вглубь комнаты, она громко доложила:

— Отец, я вышвырнула всех этих газетчиков. Больше нас никто не беспокоит!

Затем её яростный взгляд смягчился, когда она посмотрела на свернувшуюся лисицу.

— Как она, мама?

Мать семейства, Тиэ Инари, нежно погладила плачущую дочь по мохнатой белой голове и тихо ответила:

— Уже получше... Но ей нужно время, чтобы прийти в себя.

— Как вообще это вышло?! — Дайки сжала кулаки так, что затрещали костяшки. — Я найду этого бесхребетного, жалкого человека и сожру его целиком! Нет, лучше отгрызть от него по маленькому кусочку каждый час, чтобы он подольше сдыхал!

От этих страшных слов Айми заскулила и ещё сильнее расплакалась, глубже зарываясь носом в колени матери.

Бывший глава, Гэнки, надел очки, строго посмотрел на внука и отрезал:

— Нет. Ты не можешь так сделать.

— Это ещё почему?! — Дайки вскинула голову. — У меня есть и сила, и право защищать сестру!

Отец семейства, Осаму Инари, наконец оторвал взгляд от панорамного окна и тяжело повернулся к дочери:

— Твой дедушка прав, Дайки. Ты не можешь этого сделать. Хотя сил тебе и хватит, но пока что у тебя нет на это никакого права. Убийство одного из своих — это непростибельное преступление, за которым в Море Духов следует не меньшее наказание.

— Один из нас?! — Дайки хищно оскалилась, обнажив клыки. — Этот выродок в реальном мире никогда не был и никогда не будет частью нашей великой семьи!

Мать семейства, аккуратно приглаживая дрожащее ухо Айми, со вздохом пояснила:

— Официально, по нашим древним законам, до полного юридического расторжения контракта привязанности он считается законным мужем твоей дорогой сестры. И пока этот пакт в силе, ты пальцем не можешь его тронуть без согласия Суда.

Дайки яростно стиснула зубы. Едва сдерживая клопочущий гнев, она подошла к массивному комоду, на котором стоял хрустальный графин с крепкой настойкой. Резким движением она налила себе полную рюмку, залпом выпила её, с хлопком опустила стекло на дерево и глухо спросила:

— И что нам тогда делать?!

Бывший глава, дедушка Гэнки, поправил очки и веско произнес:

— Мы сделаем это так, как требует закон. Через суд. Выдвинем официальное обвинение и наши условия для расторжения контракта.

— Хорошо, — Дайки хищно прищурилась. — И когда суд официально признает его виновным и расторгнет их брак...

я наконец смогу откусить ему башку?

Мать семейства строго посмотрела на старшую дочь:

— Да, если тебе так уж этого хочется. Но ни секундой раньше! Ты меня поняла, Дайки? Я не хочу потерять еще одну дочь снова.

Дайки покорно опустила голову:

— Да, мама. План понятен. Чего мы тогда ждем?

Тиэ Инари перевела взгляд на массивные дубовые двери:

— Не «чего», а «кого». Мэй должна скоро появиться, и тогда мы начнем.

При этом имени Дайки невольно сглотнула, а её былая уверенность на мгновение испарилась:

— Ты... ты действительно хочешь привлекать к этому делу Мэй?

— Конечно, — спокойно ответила мать, продолжая гладить плачущую Айми. — Она ведь твоя и Айми сестра. К тому же правосудие — это её профиль. Ты имеешь что-то против?

Дайки криво улыбнулась, и в её красных глазах вспыхнул азарт:

— Ни в коем случае, мама. С огромным удовольствием

посмотрю, как она уничтожит этого выродка в суде.

В темном, сыром кабинете предварительного заключения сидел парень, чьи черты лица и повадки делали его похожим больше на дикую обезьяну, чем на человека. Он нервно дергал цепями на запястьях, вжимаясь в холодный стул.

В коридорах Судебного Департамента Изнанки царила мертвенная, удушающая тишина. Внезапно за тяжелой металлической дверью допросной комнаты послышались ровные, размеренные шаги. У самого порога звук замолк, раздался глухой лязг замка, и сдержанный мужской голос конвоира отчётливо произнёс:

— Госпожа прокурор, подозреваемый ожидает вас. Всё готово к допросу.

Тяжелая металлическая дверь со скрипом отворилась и в комнату вошла она.

Внешность Верховного Прокурора Мэй Инари была живым воплощением леденящего, безупречного порядка. Она обладала тонкими, аристократичными чертами лица с идеально очерченной линией бледных губ, на которых никогда не появлялось даже подобие тёплой улыбки. Самой пугающей и завораживающей деталью её облика были волосы — ослепительно-белоснежная, густая копна, чьи растрепанные пряди плотным занавесом опускались до самой переносицы. Эта тяжёлая чёлка полностью, намертво скрывала её глаза от окружающих. Из-за этого казалось, будто Мэй смотрит на подсудимых не из человеческого сострадания, а сквозь приз-

му абсолютной, слепой справедливости Высшего Кодекса.

Ее роскошный, глубокий, полночно-фиолетовый пиджак с благородными текстурными узорами крупной вязки был дополнен широкими лацканами из гладкой, атласно-черной ткани, которая безупречно отражала свет. Под пиджаком строго сидели приталенный чёрный жилет и угольно-черная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Идеально завязанный шелковый галстук в тон завершал этот монолитный, мрачный силуэт. Мэй стояла, небрежно засунув руки в карманы строгих брюк.

Прокурор неторопливо прошла к столу и заговорила бархатным, слегка вибрирующим голосом, от которого по спине арестованного пробежали мурашки:

— Не заскучал здесь? Ну что, созрел для разговора? Что скажешь в свою защиту?

Парень-обезьяна оскалился, пытаясь скрыть за наглостью подступающий страх, и затараторил:

— Ничего я тебе не скажу! Где суд? Где нормальный судья?! Меня должны официально выслушать!

Губы женщины медленно поползли вверх, обнажая края острых клыков. Она хищно улыбнулась:

— Я — официальное лицо суда, Мэй Инари. И в данном случае этот кабинет — твой суд, а сегодня я — твой судья.

Я не буду утруждать себя подробным разбором, но в твоём деле... таком мелком и столь незначительном, любое беспокойство Верховного суда уже будет расцениваться как личное оскорбление самого судьи. Так что? Будешь говорить или мне сразу вписать в протокол статью за противодействие правосудию?

— Это произвол! — в панике выкрикнул подсудимый.

Мэй грациозно опустилась на стул напротив, достала из внутреннего кармана черное изящное перо, занесла его над свитком дела и сухо бросила:

— Да-да. Так что ты там хотел сказать?

Обезьяна на секунду замолчала, а затем обреченно выдохнула, растеряв весь свой запал:

— Я не делал этого, госпожа судья... Я не крал тех людей!

— Но их нашли прямо в твоём доме — Мэй хладнокровно крутанула перо в тонких пальцах. — Незаконное проникновение в мир людей и похищение с целью торговли душами на черном рынке. Ты ведь прекрасно знаешь, какое наказание за это последует? Я могу смягчить твой приговор, если ты прямо сейчас назовешь имена тех, кто еще замешан в этом деле.

Арестованный плотно сжал губы и демонстративно отвернулся. В комнате повисла тяжелая тишина.

Мэй медленно наклонилась вперед. Тень от ее челки пол-

ностью упала на лицо, сделав её улыбку еще более зловещей.

— Любишь игры? — тихо спросила она.

Парень-обезьяна удивленно и непонимающе уставился на нее через стол. Мэй монотонно, смакуя каждое слово, повторила:

— Ты. Любишь. Игры? Я хочу сыграть с тобой в одну игру. Выиграешь — уйдешь отсюда живым и свободным. Проиграешь... и ты весь мой. До последней капли твоей сущности.

— Пари?.. — сглотнув слюну, прохрипел подсудимый.

Мэй едва заметно качнула головой, а её длинные ногти с тихим скрежетом коснулись деревянной столешницы:

— Да или нет? У тебя три секунды.

— Да! — крикнул вор, готовый ухватиться за любой прозрачный шанс.

Мэй медленно встала из-за стола, поправила пиджак своего черного костюма и направилась к выходу. Её зловещая улыбка стала невероятно широкой, обнажая хищный оскал садистки, которая только что поймала жертву в безупречную ловушку.

— Отлично. Сейчас вернусь.

Прошло несколько минут. Мэй вернулась в допросную, неся в руках лакированный поднос, на котором стояли рез-

ные шахматы. Она грациозно, слегка покачивая бедрами, подошла к столу и с тихим стуком опустила поднос перед арестованным.

Парень-обезьяна, увидев деревянные фигуры, облегченно и самоуверенно ухмыльнулся:

— Шахматы? И это твоя игра?

— Да, всем известная игра, — ровным, бархатным голосом отозвалась Мэй, присаживаясь напротив.

Арестованный окончательно расслабился на стуле, нагло закинув ногу на ногу и звеня цепями:

— Ты проиграла, подруга. Я играю в шахматы всю свою жизнь. В моем квартале мне не было равных.

Мэй едва заметно приподняла уголок губ:

— Хорошо. Вот и покажи мне, на что ты способен.

Она подняла длинный указательный палец, вверх призывая к вниманию:

— Ещё одна маленькая деталь.

Из кармана своего безупречного темного пиджака она достала красивые золотые песочные часы, внутри которых струился необычный, мерцающий золотой песок. Мэй с глухим щелчком поставила их прямо у края доски и сухо командовала:

— Сыграем.

Поначалу партия шла совершенно обычно, по всем классическим законам шахматной игры. Парень-обезьяна уверенно двигал фигуры, Мэй отвечала ему без особых раздумий. Спустя пару минут она мельком взглянула на струящийся золотой песок, и по её лицу стало видно, что она начинает откровенно скучать.

— Скажи, как именно ты замешан в этом деле? — как бы между прочим спросила Мэй, лениво передвигая пешку.

— Я доставщик, — на автомате, не задумываясь, выпалил арестованный.

Мэй сделала следующий ход, даже не поднимая скрытого челкой взгляда:

— И что конкретно ты доставляешь?

— Живых людей, как ты и сказала... — Обезьяна занес руку над своим конем, продолжая говорить так, словно его язык жил отдельной жизнью.

— Как часто? — монотонно продолжила Мэй.

Парень переставил фигуру на доске и отрывисто выдохнул:

— Дюжину в неделю. Может, больше.

— И что, хорошо платят?

— Ничего не платят. Я работаю в уплату старого долга...

— Парень-обезьяна резко осекся и в ужасе зажал рот ладонями. Его глаза округлились от паники. — Что... что это за игры?!

Мэй лишь слегка покачала головой, а её пальцы нежно коснулись королевской фигуры:

— О чем ты? Мы просто играем в шахматы.

— Хватит строить из себя наивность! — закричал вор, вскакивая со стула и гремя цепями. — Почему?! Почему я говорю тебе всю эту правду?! Я не должен был этого делать!

Мэй подняла голову, обнажив в зловещей улыбке свои острые клыки:

— Не знаю... Может, тебя просто совесть замучила? — Её бархатный смех тихо разнесся по темному кабинету. — Нет, ладно, я соврала. Видишь эти часы? Они передавались столетиями в моей семье, от поколения к поколению. Лишь член нашего рода может воспользоваться ими, хотя даже для этого тебе нужно Высшее право Верховного Прокурора. Впрочем, тебя это не волнует. Лучше посмотри на этот песок. Пока бежит этот золотой песок, абсолютно всё, что ты или я скажем в этой комнате, будет только чистой правдой.

— Я... я отказываюсь играть! — тяжело дыша, прохрипел парень, отступая к стене.

Мэй ласково, почти любяще провела ногтем по золотому корпусу артефакта. Её глаза всё еще были скрыты, но садист-

ское торжество на её лице читалось безупречно:

— Ты сам заключил пари, дорогуша. Закон обратной силы не имеет. Если ты сдаешься — так и скажи, и мы закончим. Прямо сейчас.

Она протянула тонкую руку, изящным движением перевернула золотые часы в обратную сторону и леденящим тоном добавила:

— У тебя осталась ровно одна минута. Часики тикают.

Мэй лениво потянулась на стуле, предвкушая скорую победу, как вдруг тяжелая железная дверь со скрипом приоткрылась. Она оглянулась и лицо Мэй под челкой едва заметно изменилось. Она повернулась к испуганному арестанту и сухо бросила:

— Извини меня, я отойду на минутку.

Время неумолимо шло к концу.

Когда Мэй вернулась в допросную, её лицо стало максимально тяжелым. Весь садистский азарт бесследно исчез. Она безмолвно опустилась на свой стул. Парень-обезьяна, заметив её мрачный вид, попытался огрызнуться:

— Я не буду больше играть, даже не надейся!

Мэй ничего не ответила. Она просто молча, мертвым взглядом смотрела на него. Её мимика застыла, превратив-

шись в холодную восковую маску. Она просто ждала, пока последняя крупца золотого песка медленно упадет на дно золотых часов. Как только время вышло, она аккуратно, без единого лишнего звука сложила шахматные фигуры обратно в коробку.

— И что дальше? — Обезьяна самодовольно ухмыльнулась, звеня цепями. — Я ничего больше не скажу, можешь даже не стараться! Ты проиграла, судья!

Мэй проигнорировала его слова. Плавным, почти царственным движением она достала из внутреннего кармана черного пиджака длинный свиток официального приговора и свое черное перо. Она подняла голову, и её скрытое челкой лицо замерло. Чекая каждое слово холодным, официальным тоном, она произнесла:

— Я, Мэй Инари, объявляю подсудимого виновным. В качестве достойного наказания подсудимый будет лишен души. Наказание, равное преступлению.

Не говоря больше ни слова, она занесла руку и с леденящим хрустом поставила размашистую подпись внизу документа.

— Эй! Ты чего удумала?! — в панике закричал вор, понимая, что его судьбу только что запечатали. — Ты не можешь! По закону это произвол!

В приступе первобытного страха парень-обезьяна резко

рванулся прямо через стол, намереваясь вырвать свиток из её рук. Но Мэй даже не шелохнулась.

Когда вор в яростном прыжке почти долетел до неё, Мэй молниеносно выкинула вперед одну руку. Её пальцы мертвой хваткой сомкнулись на его глотке, намертво остановив всю его инерцию. На чистой, пугающей физической силе она легко подняла его вверх, прижимая спиной к каменной стене допросной.

— Ты отнял у меня драгоценное время... — леденящим шепотом произнесла она, и в её голосе зазвучала настоящая, темная злоба. — Можешь ничего не говорить. Буквально минуту назад поймали остальных твоих подельников. Да, на твоего босса мы пока не вышли, но не всё сразу, так ведь? Маленькие победы — тоже победы. Я не просто судья, я еще и палач. А ты сейчас станешь для всех остальных отличным уроком.

— Отпусти... По закону... ты не можешь меня убить! За это карают! — хрипел парень, тщетно пытаясь разжать её пальцы.

Мэй тихо, зловеще рассмеялась, глядя на него снизу вверх. Свободной рукой она поднесла золотые часы прямо к его лицу.

— Я не буду тебя убивать, какое в этом наказание. По закону ты сам заключил пари. И ты его проиграл. Как я гово-

рила, проиграешь и ты весь мой. А со своей законной собственностью в этом или ином мире я могу делать абсолютно всё, что мне угодно.

В ту же секунду золотые часы в её руке медленно закрутились, а золотой песок внутри них вспыхнул ярким светом. Из груди парня-обезьяны с тихим свистом вырвалась маленькая, сияющие призрачные искра. Она просочилась сквозь стекло часов и растворилась среди песчинок, сделав их еще ярче.

Мэй брезгливо разжала пальцы, и вор мешком рухнул на холодный каменный пол. Его сердце продолжало биться, грудная клетка мерно вздымалась, но это больше не был тот хитрый, дерзкий вор. Из его глаз мгновенно исчезла всякая жизнь, они стали мутно-серыми, абсолютно пустыми и стеклянными. Парень опустил руки вдоль тела и замер, уставившись в одну точку перед собой. Он не шевелился, не издавал ни звука, не реагировал на сквозняк. Из него выкачали всё: волю, страх, злость, воспоминания. Перед Мэй осталось сидеть просто пустое, безмолвное мясо. Послушная живая кукла, лишенная самого главного, души.

Мэй аккуратно спрятала потяжелевшие золотые часы во внутренний карман пиджака.

— Ты только что выплатил судебную неустойку, дорогуша, — сухо бросила она, поправляя лацканы своего без-

упречного костюма. — Я конфисковала то что у тебя есть. Твои воспоминания, о вкусе еды, о первой любви, о том, кто ты есть... Теперь всё это принадлежит мне. Ты стал чуть более... пустым, чем был до нашей встречи. Честное наказание для вора душ, не так ли? Да, с кем я вообще разговариваю?

Она развернулась и стремительным, тяжелым шагом направилась к выходу из допросной. Теперь её ждало главное дело этой ночи — дело о разводе её младшей сестры Айми. А в её кармане тихо сыпался песок который скоро должен был отсчитывать последние секунды Кобаяси Кэнто.

Глава 5. Мисс Мидзуми

Толпа странных теней увлекла их за собой, и через минуту Кэнто и Рин оказались на платформе, перед которой с глухим металлическим скрежетом замер призрачный моно-рельс.

Поезд выглядел как оживший научно-фантастический эскиз из восьмидесятых годов: обтекаемый угловатый корпус, хромированные поручни и тяжелые пневматические двери, которые разъехались в стороны с громким, шипящим вздохом. Внутри вагона царил приятный, полусонный полумрак. Вместо пластика интерьер встретил их потертой обивкой из тёмно-бордового винила, а из круглых потолочных плафонов лился тусклый, янтарно-теплый свет, скрывающий лица немногочисленных молчаливых пассажиров. Вагон пах старой кожей, нагретыми ламповыми платами и дорожной прохладой.

Кэнто быстро увлек Рин за собой в глубь вагона. Рин сразу прошла назад и заняла место у самого окна. Кэнто, стараясь не нарушать её пространство, тихонько сел рядом. Двери за их спинами снова с шипением захлопнулись. Монорельс мягко качнулся и бесшумно сорвался с места, унося их в чернильную бездну Изнанки, прямо навстречу неоновым огням призрачного города...

Состав плавно, почти бесшумно устремился ввысь по невидимым рельсам. В ту же секунду перед глазами Рин открылся целый новый, невероятно красивый и столь же пугающе неизвестный мир. Под ними расстился город похожий на Токио, но это был не тот серый, монотонный мегаполис, к которому они привыкли. Дома светились мягким призрачным светом, улицы переливались фиолетовыми и багровыми реками, а вместо обычных машин по дорогам текли струи тумана. Небо над головой было угольно-черным, и на нем замерла огромная, неестественно близкая фиолетовая луна.

Завороженная этим зрелищем, Рин прижалась ладонями к прохладному стеклу.

— Это потрясающе... — прошептала она, не в силах оторвать взгляд. — Мог бы ты представить себе, Кэнто, что всё это время прямо под нашими ногами существовал этот огромный мир?

Кэнто посмотрел на свои руки, лежащие на коленях. Чув-

ство автопилота окончательно исчезло, уступив место тяжелой, звенящей реальности.

— Честно говоря, нет, — тихо ответил он. — Я никогда особо не верил в потустороннее, в мистику или в переселение душ. Мне всегда казалось... что на той стороне нас ждет лишь глухая, беспросветная пустота.

Рин оторвалась от окна и удивленно повернулась к нему. В полумраке вагона её глаза блеснули.

— Пустота — это чересчур мрачно, не находишь? — мягко сказала она. — Я, конечно, сама не то чтобы верила прямо до конца... Но мне всегда хотелось думать, что должно быть такое место, где нашим душам и душам наших предков наконец-то будет спокойно. Мир, совсем не похожий на наш. Место, где ты можешь быть кем угодно или чем угодно. Тем, кем ты сам захочешь.

Кэнтто промолчал. Её слова отозвались внутри странным, болезненным эхом. В его памяти вдруг, откуда ни возмись, всплыли картинки из далекого детства: яркие бумажные фонарики, запах благовоний и мягкая ладонь мамы, которая крепко сжимала его руку. Они часто ходили в храмы на летние праздники, молились и вспоминали ушедших родственников. Кэнтто почувствовал, как к горлу подступил ком. Он искренне удивился и даже испугался тому, что вспомнил о маме только сейчас — спустя столько долгих лет абсолютно-

го, намеренного забвения.

Рин заметила, как изменилось его лицо. Она внимательно посмотрела на Кэнто и спросила:

— О чем ты думаешь?

— Да так... ни о чем, — Кэнто попытался вернуть на лицо привычную маску безразличия, но Рин уже невозможно было обмануть.

Она задумчиво прищурилась, словно складывая в голове сложный пазл, а затем озвучила вопрос, который мучил ее с самой платформы:

— Послушай, Кэнто... Что это за девушка была на той призрачной газете? Я могу поклясться, что именно её я видела тогда в парке, перед тем как всё рухнуло. Ты... ты ведь с ней знаком, верно?

Кэнто замер. Внутри него снова заспорили два голоса. Один умолял соврать, перевести всё в шутку, чтобы не показаться сумасшедшим. Но второй голос — тот самый честный, порядочный Кэнто, которого так бережно взрастила Айми — требовал правды. Он посмотрел Рин прямо в глаза. Ему было страшно, но он решил сказать честно. Без утайки.

Он рассказал ей всё: про пустую квартиру, про то, как Айми появилась из его одиночества, как она контролировала его жизнь, готовила завтраки, провожала до работы и запре-

щала задерживаться с кем-либо еще.

Рин слушала его с открытым ртом, не перебивая ни единым словом. Когда Кэнто закончил, она шумно выдохнула и переспросила:

— Жена?.. Ты что, серьезно?!

— Нет, конечно, — Кэнто устало потер переносицу. — Это она так сказала. Я вообще всё это время думал, что у меня либо слишком богатое воображение, либо просто крыша едет от постоянной переработки, недосыпа и одиночества. Я был уверен, что она мне просто кажется.

Рин откинулась на спинку сиденья и покачала головой.

— Да уж... Не думала я, что простая вечерняя прогулка закончится попаданием в мир духов. Но знаешь что? Ты в этом не виноват. Хотя... — она грустно, но понимающе улыбнулась. — Тебе явно стоило бы задуматься об этом раньше. К врачу сходить или к шаману какому-нибудь. Ведь видеть живую, говорящую девушку, которую вообще никто больше не замечает — это как-то странно, не находишь?

Кэнто криво ухмыльнулся, впервые за долгое время почувствовав, как с души спадает часть огромного, давящего груза вины.

— Да, — согласился он, глядя на то, как призрачный монорельс уносит их всё дальше в глубь неоновой города. —

Есть такое.

— И что ты собираешься делать? — спросила Рин, внимательно вглядываясь в его профиль. — Найдешь ее здесь и просто всё объяснишь?

Кэнто кивнул, не отрывая взгляда от проносящихся за окном неоновых крыш.

— Да. План именно такой. Но для начала мне нужно вернуть тебя домой, в наш мир. Это главный приоритет.

Рин вздохнула и поправила пальто.

— Домой — это, конечно, хорошо бы... Но ты уверен, что она вообще захочет тебя слушать? — Рин кивнула на сложенную призрачную газету, которая лежала между ними. — Судя по этой прессе, твоя Айми здесь далеко не последняя душа. Знаешь, кого попало на первых полосах местных газет не печатают.

— Знаю, — глухо отозвался Кэнто.

— Возможно, она вообще из какой-нибудь местной знати или влиятельного клана, — продолжала рассуждать Рин, пытаясь заставить его осознать все риски. — При первой же твоей попытке к ней приблизиться тебя могут просто скрутить и кинуть в местную тюрьму.

— Знаю.

— А если даже и нет, — Рин сделала паузу, заглядывая ему в глаза. — Она может просто отказаться с тобой разго-

варивать. Обиженная женщина — это опасно в любом мире, а обиженная женщина-дух с лисьими хвостами — опасно вдвойне.

Кэнто наконец повернулся к ней. В его глазах не было страха — только тяжелая, выстраданная решимость человека, который больше не хочет бежать.

— Знаю. Я всё это прекрасно понимаю, Рин. Но я должен её найти. Просто обязан.

Рин посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. В её глазах проскользнуло уважение — этот парень, спрятавшийся в свой «стальной сейф», внутри оказался на удивление храбрым и верным своему слову. Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент динамики над их головами затрещали.

Загробный, механический голос кондуктора объявил название следующей станции. Монорельс начал плавно сбрасывать скорость, за окном заскрежетали призрачные тормоза, а неоновый свет платформы начал заливать полу пустое купе.

Рин поднялась со своего места и слегка встряхнула головой, прогоняя нахлынувшее оцепенение.

— Ну вот, приехали, — сказала она. — Пора выходить.

Кэнто и Рин спустились по трапу монорельса на платформу и сразу направились к огромной, залитой мягким нео-

новым светом вывеске: «ИНФОРМАЦИЯ. ПОМОЩЬ ЗАБЛУДШИМ ДУШАМ».

— Эту вывеску, наверное, за километры видно, — негромко заметил Кэнтон, оглядывая сияющие буквы. — Неплохой указатель для тех, кто потерялся так же, как и мы.

Рин согласно кивнула.

— Да, дизайнеру определенный респект, со своей работой он точно справился. Хоть какая-то определенность в этом безумии.

Стеклянные двери инфо-бюро плавно разъехались в стороны, и перед их глазами открылось просторное, залитое ярким чистым светом помещение. Все стены здесь были завешаны разноцветными туристическими картами, расписаниями и яркими плакатами, объясняющими правила поведения в Море Духов.

Местные работяги — невысокие, забавные крабы-скрипачи в аккуратных, идеально отглаженных деловых бордовых костюмчиках — то и дело сновали туда-сюда, вежливо встречая клиентов и помогая им с любыми возникшими вопросами. У стоек толпились самые разные ёкаи: кто-то шумно спорил, кто-то растерянно тыкал пальцем в свои призрачные карты, пытаясь выяснить дорогу.

Но самое интересное находилось прямо посередине зала. Там высился огромный длинный аквариум, внутри которого грациозно плавала двуххвостая русалка. У неё не было двух

громоздких хвостов, её хвост оставался единым, но ближе к самому концу плавно переходил в широкий, изящно разделенный надвое плавник. На её бледных фарфоровых щеках дрожали редкие пузырьки воздуха. Плотная, идеально ровная чёлка полностью закрывала её лоб, а невероятно длинные, густые волосы цвета глубокого штормового океана — безумная смесь неоновой лазурной и чернильно-фиолетовой оттенков — были убраны назад, разделены и скручены в два сложных, туго переплетенных между собой хвоста.

На её тонком носу сидели удивительно странные очки: узкая, длинная и абсолютно плоская металлическая оправа с аккуратными прямоугольными линзами. Она была одета в строгую, опрятную служебную форму, а в руках она уверенно держала увесистую папку-планшет, к которой были прикреплены стопки бумаг. Русалка то и дело стучала ногтем по стеклу, командовала крабами и указывала им пальцем, в какую сторону направлять прибывших, сверяясь со своими документами. По её собранному и строгому виду было сразу понятно — именно она здесь главная.

Кэнто и Рин переглянулись.

— Ну что, — тихо сказала Рин, кивая в сторону аквариума. — Похоже, нам к ней. Если кто-то здесь и знает, как вернуть живого человека обратно и где искать твою высокопоставленную «жену», то только эта леди.

Кэнто и Рин уверенно направились напрямиком к огромному аквариуму, но не успели они сделать и пяти шагов, как до рогу им преградил невысокий краб-скрипач. Его маленькие глазки-бусины смотрели дружелюбно, и, ловко орудуя клешней, он тут же всунул в руку Кэнто какой-то призрачный буклет.

— Спасибо, — вежливо кивнул Кэнто, пытаясь обойти маленького бюрократа. — Но нам бы поговорить с вашим начальством. Можно пройти?

Краб покачал головой. Хотя на его панцирном лице не было никаких эмоций, по его суетливым движениям было ясно: он невероятно рад помочь, но правила есть правила. Ловко зайдя со спины, он уперся клешнями в куртку Кэнто и начал настойчиво, но аккуратно толкать парня и Рин в сторону информационной стойки. Поняв, что спорить с упорным ракообразным бесполезно, герои решили послушаться.

Подойдя к высокой деревянной стойке, они поначалу никого за ней не увидели. Кэнто даже пришлось приподняться на цыпочках и заглянуть внутрь, чтобы обнаружить дежурного. За столом сидел другой краб-скрипач, который едва доставал до края столешницы. Заметив посетителей, он звонко щелкнул клешней перед самым носом Кэнто и нажал на скрытую педаль. Под его стулом что-то зашипело, и механизм плавно поднял краба на уровень лица Кэнто.

Маленький клерк тут же начал что-то быстро и усердно

лепетать на своем странном, щелкающем языке. Кэнто и Рин переглянулись — они не поняли ни единого звука.

— Извините, — Кэнто попытался говорить медленнее, активно жестикулируя. — Мы только что прибыли сюда. Нам нужно вернуться обратно. Домой, наверх. Как это сделать?

Краб понимающе покивал, на секунду скрылся под стойкой и вынырнул обратно, протягивая Кэнто аккуратный отпечатанный листок. На нем крупным шрифтом было написано: *«Первый день? Не волнуйтесь, мы всё устроим!»*.

Следом краб, словно заправский риэлтор, достал другую бумажку, очень похожую на список местной недвижимости. А затем, со скоростью карточного фокусника, выложил на стол еще несколько бланков: списки вакансий, адреса захороненных детских садов и брошюру *«Помощь молодым парам»*. Клерк весело пощелкал клешнями и требовательно постучал по каждой из бумажек, призывая героев сделать выбор.

— Да нет же, нам всё это не надо! — Кэнто аккуратно отодвинул стопку вакансий. — Как нам вернуться назад? Наверх, в мир живых?

Краб на секунду замер, озадаченно склонив голову набок. Он снова залез под стойку и с самым сочувствующим видом выудил оттуда еще один листок. На нем чернел заголовок: *«Как пережить собственную смерть: группы психологической поддержки»*.

Рин не выдержала. Она наклонилась к самой стойке и громко, отчетливо произнесла:

— Нет, вы не поняли! Мы не мертвы. Мы живые люди!

В ту же секунду краб затих, замерев с поднятой клешней. В зале инфо-бюро воцарилась звенящая, мертвая тишина. Скрежет карандашей, цоканье печатных машинок, споры ёкаев — всё прекратилось в одно мгновение. Кэнто и Рин медленно огляделись. Десятки посетителей-призраков и местных работников застыли, уставившись на них с диким, суеверным ужасом. Живые люди в этом мире были чем-то из ряда вон выходящим.

Тишину нарушил глухой стук со стороны центра зала. В своем огромном аквариуме начальница-русалка, недовольно нахмурившись, положила руки на бедра. Через толстое стекло пристально посмотрела на Кэнто и Рин, а затем властным жестом длинного пальца указала им на себя: *«Идите сюда»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.